

Мария ФОМАЛЬГАУТ
Реалити-шоу
“Властелин мира”

@ЭЛИТА

18+

Мария Фомальгаут Реалити-шоу «Властелин мира» (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7275661

*Мария Фомальгаут Реалити-шоу «Властелин мира» (сборник): ЭИ
«@элита»; Екатеринбург; 2013*

Аннотация

В ваш дом, откуда ни возьмись, заходит незнакомец и говорит, что вы должны немедленно съехать. Что значит, некуда... Вам найдут дом. Что значит, хлопотно... вас перевезут. И все скомпенсируют.

А что случилось?

Или не так. Вы стоите на трибуне во дворце власти, когда в зал врывается вампир. Вы думаете, что он выпьет вашу кровь, но ему не нужна ваша кровь, ему нужно...

А что ему нужно?

Или нет, не так. Вы только что наловили рыбы, хорошо, Рыбоохрана вас не поймала. Когда на ваше судёнышко врывается парочка головорезов, требуют плыть туда, где утонуло...

Что утонуло?

Или ещё так. Вы видите перед собой вражеского солдата, вы должны убить его, но вы не можете убить его, вы должны узнать у него...

Что?

Узнаете, перевернув страницу.

Содержание

Боюсь я их...	6
Получается вселенная	15
Вертикалы	16
Соловиный сад	30
Утром в первый день творения	33
Никому не нужно	34
Вам скомпенсируют	37
Вывихнул...	41
Зайчики	44
В супе	53
А случай бывает вонючий	54
Тени чёрные	56
Только если верить	58
Проболтался	61
Золотые правила	64
Разлитые сказки	70
Город ищет человека	73
Если всё-таки решил...	75
Ордена	79
Песня Дома, песня Очага	95
0,01 %	104
Только сегодня	106
Цикл	110

Анатомия города	118
Междениночные отношения	121
Завелись	131
Сознание	136
Древняя жуть	141
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Мария Фомальгаут

Реалити-шоу «Властелин мира» (сборник)

Боюсь я их...

А как не бояться, как придут, как обступят со всех сторон, огромные, в чёрных кожанках, в тёмных очках... И не знаешь, чего от них ждать. Я мельком видела, у них и ножички на поясе есть, и много ещё чего.

А никуда не денешься. Стой, играй на скрипке, держи смычок, чтобы не сорвался. Выводи рулады...

– А-аа-х кавале-е-еров мне-е... впол-не-хва-та-а-ае-ет...
но-нет-люб-ви-хо-ро-шей-у-ууу-ме-е-е-е-н-я-я-я-я...

Боюсь я их. Кто знает, что у них на уме, да всё у них на уме, таким что ножом по горлу тебе полоснуть, что джинсы с тебя сорвать при всём честном народе – раз плюнуть...

Нет, пока, вроде бы, обходилось. Не трогали. По крайней мере, меня.

По крайней мере, пока.

Боюсь я их. Ещё с самого первого раза боялась, когда пришли в переход, обступили вот так И хочется милицию по-

звать, да чёрта с два позовёшь, милиция саму тебя скорее заберёт...

А тогда я страху натерпелась. Когда первый раз пришли, обступили, я даже не помню, сколько их было, пятеро или шестеро. Стояли в переходе, смотрели, как я играю. И не убежишь, и не спросишь: чего надо-то... Вот у Заразы легко получается, к ней кто прицепится, сразу ка-ак гаркнет: – Чего надо-то, я не поняла?! – так тут только что стены от её голоса громового не рушатся...

А я так не могу. Стою, играю, как дура, делаю вид, что ничего не происходит...

– А-е-е-с-ли-девчо-о-онка-вдру-у-у-уг... разлю-у-убит когда-а-а-нибу-у-у-дь... то слёзы вытрет и пой-мёт... только-ма-а-ма-а...

И – ничего. Обошлось. Прямо страшно стало, когда один из них бумажку вынул, мне в куртку сунул. И ушли. Молча. Я на бумажку посмотрела, в осадок выпала, пять штук...

Боюсь я их. А как не бояться, они вон какие... все... как-то повадились сюда каждый день приходить ближе к вечеру, как солнце зайдёт. Придут, меня обступят, и слушают. Слушают.

Страшно так. Сама не пойму, от чего страшно. Люди добрые обычно хоть слушают и спрашивают, кто я, да откуда, да зачем, да почему в переходе стою, а эти стоят и молчат. Хочется с ними с самими парой слов перекинуться, кто такие

будут, а страшно... язык к горлу прилипает...

Одно время перестали ходить. Это когда «Медиамир» в переходе открылся, колонки поставили, ка-ак грянуло на весь переход, муси-муси-пуси-пуси – миленький мой... А тут и парни эти как раз в переход спустились... Так вы бы их рожи видели... зубы скривили, будто от боли, только так из перехода драпанули. Да мы сами все там скривились и драпанули... на улицу.

А на улице стоять вообще не в кайф, осень, дело к зиме, стоишь, и на бошку тебе капает морось всякая...

Только наутро узнали, киоск этот с муси-пуси дотла сгорел. Вот так. Главное, ничего больше не сгорело, что там в переходе было, кофейни-харчевни всякие, а киоск дотла. Мы потихоньку обратно перекантовались, я, Зараза, бабка, которая милостыню просит, под слепую косит, а сама уже на вторую квартиру себе заработала...

Ладно, не о том речь...

И парни в тот же день пришли. Меня послушать. И на киоск этот горелый так посмотрели, что мне нехорошо стало...

Боюсь я их.

Боюсь я их.

Да что боюсь, чего ради мы их всех бояться должны? Страну разворовали, себе всё забрали, а мы их ещё бояться должны, да? Да? Так, значит? Сами в кожанках ходят, на джипах ездят, им-то, поди в консерватории не отказали, не

сказали – приходите через годик, через два... им-то папочки с мамочками место в консерватории купили... и ещё много чего... им эти пять штук, которые они мне дают, как нам пять копеек... и даже меньше...

Вот так вот всю ночь в кровати ворочалась, про них думала, зла не хватало. И наутро в том же настроении в переход припёрлась, скрипку уже видеть не хочется...

А тут они... И, хочешь не хочешь, играй...

– О-л-ю-ю-бв-и-и-инемаа-а-ало-пе-е-есен-сло-о-о-жён-о-о-о... я спою тебе, спою ещё-о-о-о-одн-ну-у-у...

Посмотрела на них, и страшно так стало... как оборвалось что-то внутри. Вижу, они всё понимают. Чувствуют. Мысли читают, или там ещё что, не знаю я. Только чувствуют всё, что я про них ночью там надумала... И так стыдно перед ними стало, чувствую, краской заливаюсь по самые уши...

– Что-так-серд-це-что-так-серд-це-рас-тре-во-жи-ло...

Хоть бы спросить у них, какую музыку любят, что послушать хотят. А не спросишь, как посмотришь на эти взгляды под тёмными очками, так все слова пропадают. И почему-то всё больше кажется: под очками глаз у них нет...

Боюсь я их...

А как не бояться...

Надька, сволота, смотрит на меня, перебирает покрашенными губами:

– Анют, ты извини, тебе съехать придётся...

Земля уходит из-под ног.

– К-как?

– Ну понимаешь, я девчонке одной обещала... она здесь жить будет...

Даже не спрашиваю – а как же я. Даже не напоминаю, что зима, и всё такое.

– Да ты себе место найдёшь, сейчас много кто углы сдаёт...

Ночью отворачиваюсь к стене, сдерживаю слёзы. С-сука, Надька, и все они вместе с ней, вот тебе и «живи, сколько хочешь...» А что, с-сука, она мне ничего не обязана. Правильно мать говорила, дура ты, тебя пальчиком поманят, ты и побежишь... и Артур в Москву пальчиком поманил, побежала, и бросил Артур, и Надька пальчиком поманила, побежала, а что, бежать-то больше было некуда...

Не-сра-зу-всё-ус-тро-и-лось-мос-ква-не-сра-зу-стро-и-лась...

Дура ты, Анька, ты посмотри на своих девочек, куда они поступают... а мы на скрипочке играем...

Насмешливо-змеиный голосок матери, оттуда, из прошлого, из скандалов, упрёков, хлопанья дверей, я вас ненавижу-ненавижу-ненавижу, я от вас навсегда ухожу...

Вот и ушла... на свою голову...

Сама не помнила, как заснула, очнулась только где-то около полудня, Надька ещё спит, чего это она, ей же в универ...

– Надь...

Тишина.

– Надь...

Трогаю за плечо, отскакиваю как ошпаренная...

– У неё же порок сердца был, у Надюхи... вот и загнала себя... – бормочет вахтёрша – отец-мать ещё не знают, мы им только сегодня весточку послали... в Иркутск...

Боюсь я их...

Вот теперь действительно – боюсь. Когда неделю провалялась не то с гриппом, не то с непонятно чем в непривычно опустевшей общажной комнатёнке...

– Ань, к тебе тут гости...

Голос вахтёрши. Хочу сказать, не хочу никаких гостей, не успеваю. В комнату заходят они. На этот раз их трое. В чёрных кожанках. В чёрных очках. Под которыми кажется, что нет глаз...

Ёкает сердце, чувствую себя, как зверь, в берлогу которого забрались охотники. Ладно, бывает и хуже...

Ставят на стол какую-то снедь. Один из них, с длинными волосами, зачёсанными в хвост, вкладывает мне в руки скрипку. Играй.

Вот, блин...

С перепугу начинаю наигрывать мелодию, которую пиликал Шерлок Холмс в фильме про себя, любимого. Сидят. Слушают... И надо бы предложить чаю, и много ещё чего,

хоть здравсте сказать, и не могу...

Боюсь я их...

Боюсь я их...

Кого... да всех... убираю скрипку в футляр, оглядываю мрачное подземелье. Хочется, как в детстве, убежать, кинуться к маме, да тут уже не кинешься, начнётся тут: у меня больше нет дочери, иди отсюда, девочка, я тебя не знаю...

Во, блин... Проторчала до темноты, опять впотьмах домой переться... броненосец в потёмках...

Иду к ступенькам...

– Эй, барынька!

Серые тени, пропахшие перегаром, отделяются от стены. Холодеет спина. Делаю вид, что не услышала...

– Барынька, ты глухая, что ли, или как?

Рука ложится на плечо, вырываюсь, сжимают сильнее.

– Барынька, а платить кто будет?

– Ком-му платить?

– Ка-ак кому? А за место? Тебе тут что, за бесплатно всё, что ли?

– Да пошёл ты...

– Не, пацаны, видали, она не врубилась, похоже!

Вырываюсь. Бегу. Кто-то хватает скрипку, кто-то грохает её об стену, уже не до скрипки, ни до кого, ни до чего, кто-то швыряет на ступеньки, ч-ч-ёрррт...

– Эй, ты чего, а?

Что-то происходит там. Надо мной. Серые громилы кричат – жалобно, отчаянно, так может кричать человек, который увидел что-то... нет, не страшное, страшное не то слово. Тут другое...

Вижу их. Сейчас их шестеро. Чёрные кожанки. Чёрные очки, на этот раз не на лицах. Сняли. Показали лица без глаз...

Лица без глаз. И даже не лица, не пойми, что. Появились в переходе откуда-то из ниоткуда, как будто выпали из чёрной дыры. Смотрят на громил безглазыми лицами, ничего не делают, стоят, смотрят...

Громилы извиваются на ступеньках, запрокидывают головы, хрипят, давятся кровавой пеной, бьются в непонятной агонии. Кое-как поднимаюсь, кое-как бегу, что-то саднит под лопаткой, ага, похоже, полоснули меня-таки ножичком...

Спотыкаюсь, земля уходит из-под ног, тпр-ру, стоять, сука... кто-то подхватывает меня, нет сил отбиваться, кто-то рвёт куртёшку на груди, зализывает рану раздвоенным языком. Провалы глазниц смотрят прямо на меня, обжигают пристальным взглядом...

– Жить будет?

– Вроде да.

– В прошлый раз тоже было «вроде да», а тварь околела.

– Не околеет... заживёт...

– Редкий вид...

– Да их тут полно.

– Ты не знаешь... с одной такой твари музыки в день больше, чем с целого оркестра.

– Ну... чш, ты осторожнее, не любят они, когда им к груди прикасаются...

– Да вроде бы только самки не любят...

– А это тебе самец, что ли?

Боюсь я их.

Сколько времени прошло, а всё боюсь. Говорила с другими, с Моцартом, с Гайдном, они тоже побаиваются. Кажется, один Паганини их не боится, да он сам такой, что его самого все боятся, он как будто и не человек вовсе...

Выхожу из домика, пробую струны смычком. Скрипка отзывается нежным голосом. Прохожие тут же бросаются ко мне, – тёмные тени с раздвоенными языками. Выхожу в лиловые заросли...

– Бежи-ит-ре-ка-а-а... в ту-ума-не-ет-аа-ает...

Боюсь я их...

Боюсь...

2013 г.

Получается вселенная

Люди в панике.

И звёзды в панике.

И планеты в панике.

Конец света грядёт.

Это я конец света устроил. Так и знайте. Засасываю в себя звёзды и планеты, вбираю материю. И никто – ни звезда, ни звездолёт, ни зазевавшийся луч света, не уйдёт от меня.

Люди говорят про меня – чёрная дыра. Пусть говорят.

Много будет у меня материи. Ой, много. Буду делать с ней, что захочу. Уж что-нибудь я с ней да и сделаю. Сотворю из неё что-нибудь... что хочу. Красивое что-нибудь. Великое что-нибудь. Удивительное...

Но у меня уже который раз получается вселенная...

2013 г.

Вертикалы

– Да быть того не может...

Смотрю на шефа, нет, вы как хотите, а что-то он загнул. А что загнул, шефу нашему вечно что-нибудь мерещится. То у него бабки на рынке наркотики продают, а это оказывается куркума, то у него в городе маньяк объявился, вон, девочка семилетняя пропала, его рук дело... а девочка с мамой-папой разругалась, у подруги отсиживалась. То у шефа нашего глава парламента по субботам уезжает куда-то, так он непременно в заговоре с заграницей, страну сдать хочет... а это-то главу в понедельник нашли у какой-то девицы в дым пьяного...

Так что шеф наш тот ещё фрукт. Но тут он что-то загнул.

– Ну что значит, не может, если я сам видео видел, – фыркает шеф, – я тоже сначала не поверил, а как мне показали... да вон, сами посмотрите...

– И смотреть такую гадость не буду... – говорю, тут же спохватываюсь, – ну, знаете, на видео много чего можно увидеть... я вот видео смотрел, как пришельцы землю захватили и народ перебили...

– Короче, верите, не верите, а вы мне этот притон найдёте, где видео сняли, – говорит шеф, – за вами и так уже грешков немало числится, так что как бы вам разжалованным не оказаться...

Вздрагиваю. Это что-то новенькое. Этого я от шефа не ожидал...

– Идите, ищите... и обрящете. Чтобы такой парень, да ничего не нашёл, да быть того не может. Ну всё, всё, идите...

И шеф снова прячется в какое-то дело номер сколько-то там, о вампире, который якобы ходит в местную деревушку пить кровь...

– Э-э-э... девушка, у вас есть билет на собачьи бои?

Кассирша смотрит на меня оторопело. Кого тут вообще понасажали в кассиры, в продавцы, каких-то глухих и полонумных, ты у неё в аптеке кусок мыла просишь, она тебе суёт тест на беременность...

– Ну... шоу такое, где собак друг с другом стравливают...

– Нет такого, – кассирша испуганно захлопывает окошечко кассы.

Чувствую, что краснею. Чувствую себя последним дураком, действительно, что я ляпнул, где это видано, чтобы в нашем мире в конце нынешнего века – собачьи бои. Вроде бы давно ушли в прошлое вот такие мерзости, когда смотрит кто-нибудь на экран, где одна зверюга тормозит другую зверюгу – и у этого у кого-то все поджилки трясутся, адреналин так и кипит и клокочет.

Это всё шеф наш...

Выдумал тоже... собачьи бои...

– Выдумал тоже... собачьи бои, – раздалось у меня за спи-

ной.

Вздрагиваю. Оборачиваюсь. Шеф собственной персоной. Следил он за мной, что ли... Очень может быть, шеф наш никому не доверяет, за самим собой скоро слежку поставит, точно вам говорю.

– Я-то думал, с тобой дело иметь можно, а ты... кто тебе вообще про собачьи бои сказал? Кто тебе вообще сказал, кого там с кем на ринге стравливают? Да про такие вещи не то что во весь голос, шёпотом говорить нельзя, а он в кассу попёрся...

Бормочу какие-то оправдания, шеф устало отмахивается:

– Тебе, может, это... в деревне что поискать?

– Собачьи бои?

– Да нет... там учителя, как воздух, нужны, а у тебя, я знаю, с детьми хорошо получается... в детской комнате ты их только так усмирял. Так может, это...

Холодеет спина.

– Там, говорят, год отработал, тебе дом дадут, машину свою... что ещё надо... а в полиции маяться, не твоё это... ну не твоё...

Ещё подыскиваю какие-то оправдания, чувствую, что подыскивать поздно. Шеф бормочет какие-то слова утешения, чёрт бы его драл с его пришельцами из космоса и мировыми заговорами. Его самого скоро вон пошлют, когда отчёты его увидят. Жалко, только, что уже после меня...

...прихожу в себя в богом забытом баре, смотрю на полупустой стакан. Пропустил, мать его, пропустил тот моментик, когда дурмана в голове ещё нет, а всяких проблем и тягот уже нет, и легко-легко становится. Нет, упустил, хлебнул лишнего, и вот уже пляшет перед глазами богом забытый бар, качается улица...

– Скучаете?

Подбирается ко мне нечто накрашенное, утыканное перьями, так бы и ощипал и кинул бы в духовку...

Хочу сказать – не настолько, не говорю. Язык меня не слушается. Вообще всё тело меня не слушается, моё тело уже как будто бы не моё...

– А то махнём куда-нибудь...

Понимающе смотрю на неё:

– В номера?

– Ну что вы сразу... в номера... Блин, что за народ скучный пошёл, раньше куда только не водили...

– В кино?

Презрительно фыркает. Опять я не попал, опять мимо. Верно шеф говорит, меня только в учителя...

Делаю последнюю попытку:

– А сами вы... куда бы?

– Да есть тут местечко одно... и дёшево, и сердито...

– Кабаре?

– Выше берите. Что вы про меня так думаете... кабаре...

Встаёт, увлекает меня за собой в морось улицы. Покорно

позволяю себя вести, теперь мне терять нечего. Заодно и шефу подгажу, завтра все газеты запестрят заголовками, бывший полицейский был замечен в... и название какого-нибудь заведения, которое в приличной газете не упоминается...

– Да... забыла спросить... у вас есть с собой деньги?

– Смотря что считать деньгами.

– Да штучки три, не больше.

– Нехило.

– А вы как хотели... да вы не парьтесь, оно того стоит...

Не сомневаюсь. Чувствую себя не в своей тарелке, никогда не был в подобных заведениях. Интересно, меня там сразу обчистят, или сначала перережут горло... или сначала всё-таки обчистят...

– Да не бойтесь вы, никому там горло не режут...

– Мысли читаете?

– Наверде того... а то все как первый раз идут, крыльями хлопают, ах, меня же зарежут...

Заходим в неприметную дверь, думаю про себя, вот тут-то меня обухом по голове и прихлопнут. Девушка тащит меня в огромный зал наподобие арены цирка, круглая арена огорожена стеклом, чует моё сердце, это не стекло, а что-то покрепче...

Пелена падает с глаз.

Чёрт возьми...

Конечно...

– Собачьи бои?

– Наверде того. Только собаками здесь и не пахнет...

– А кто? Птицы?

– Да нет... навреде того... увидите...

Конферансье объявляет что-то, не слышу за криками битком набитого зала. Зрители ждут. К арене подкатывается клетка, не вижу, что там за прутьями... кого-то выпускают на арену, хоть убей, не могу понять, кого...

– Что за твари? – спрашиваю у спутницы.

– В смысле, как называются? Вертикалы.

– Это что за вид такой?

– А чёрт его знает... мы их вертикалами кличем... да ты смотри, смотри...

К арене подкатывают точно такую же клетку с другой стороны, выпускают точно таких же тварей. Зал взрывается диким рёвом...

– Я на полосатых ставлю. И ты ставь.

– А что... ставки делают?

– Ещё какие... Сегодня, вроде бы, полосатые выиграют, ставь, не пожалеешь...

Делаю ставку на полосатых. Разорюсь я с этими полосатыми. Хотя дело того стоит. Потом шефу принесу счёт. За полосатых. И за – «мужчина, сучаєте»...

Смотрю на жутких тварей, сколько живу, такой жути не видел. Это что-то новенькое, очень новенькое, даже толком не могу понять, к какому виду они принадлежат. Что-то от саламандры, что-то от гиббона, что-то вообще не поймёшь

от чего. Я жду, когда звери набросятся друг на друга, но звери и не думают набрасываться, прячутся за какими-то выступами арены...

– Струсили? – шепчу я.

– Какое там... – шипит моя спутница, – да вы смотрите, смотрите...

Смотрю, смотрю. Ничего не происходит, звери не двигаются, в тишине слышатся резкие хлопки, раз, два, три, раз, два, три...

Не верю своим глазам. Не понимаю. Звери падают, залитые кровью, звери взрываются кровавыми брызгами. Вот так, сами по себе. Публика ревёт в неистовстве, требует ещё, ещё...

– Они что... взглядом друг друга убивают?

– Вроде того, – кивает моя спутница, чудо в перьях, – я в этом не понимаю ничего... да никто не понимает...

– Они откуда вообще... такие?

Чудо в перьях отмахивается, да кто ж их знает. Уже жалею, что пришёл с глупой барышней, хочется спросить про зверей у кого-нибудь из мужчин, но мужчинам не до меня, ни до кого, ни до чего, надрывно кричат, требуют ещё, ещё...

Смотрю на арену, не понимаю. Не верю. Нет, никакой ошибки быть не может, вот они, взлетают в воздух, легко, будто всю жизнь только этим и занимались. Летают, обдают друг друга едким дымом, убивают взглядами, замертво падают на арену, взрываются жёлтым пламенем...

Публика требует ещё. Ещё. Чувствую, что и сам заворожён этим действием, этим безумием, бешеной бойней, ну давай, бей, бей, бей их, ещё-ещё-ещё, ач-ч-чёрт, промазал, бей, бей...

Арена вспыхивает пламенем, столб дыма вздымается к потолку, расплывается облачками. Зрители замирают, ждут, когда дым рассеется, ну же, ну... Напрасно ищу на арене хоть кого-нибудь, никого нет, только чёрная оплавленная масса, которую убирают полomoйщики.

– Тьфу ч-чёрт, ничья... – шипит чудо в перьях, – задолбали со своей ничьей, третий день уже...

Бормочу какие-то слова утешения, мол, в следующий раз непременно повезёт. Конферансье срывающимся голосом объявляет антракт, да дайте арену очистить...

– А заведует кто всем этим?

– А вон мимо прошёл... в кабинет свой...

Иду за ним. За кем – ещё не знаю. Невысокий, сутулый, весь нескладный какой-то, такими бывают странники, которые вернулись очень и очень издалека. И прихрамывает, как странник, которого утомила дорога. И...

Иду за ним к кабинету, где он там находится, трогаю хозяина за плечо. Ещё толком не знаю, что буду говорить. Что буду делать...

Он оборачивается.

Пол уходит из-под ног.

Я узнал его только сейчас. А ведь странно, его снимки бы-

ли во всех газетах, когда он вернулся откуда-то из ниоткуда, со звёзд, откуда не возвращаются. Его боготворили. Его прославляли. Его...

Потом он пропал, как-то внезапно пропал со всех передовиц, даже поговаривали, что он умер, или ему помогли умереть, потому что знал слишком много...

– Вы арестованы.

– Чего-о?

Показываю удостоверение, хоть его у меня ещё не отобрали каким-то чудом. Странник бежит – в глубину коридора, бросаюсь на него, как учили, швыряю на пол, поднимаю под себя...

– Откуда животные?

– Оттуда, – он тычет пальцем в небо.

– А поконкретнее нельзя?

– Нельзя.

– Это вас теперь привлечь можно... за жестокое обращение с животными. С очень редкими животными.

– Какие они, к чёрту, редкие, там их как звёзд на небе...

– Где там?

Не отвечает. Думаю, в каких жутких землях он побывал, под какими чужими солнцами, откуда притащил это... это...

Не знаю, что.

Они убивали друг друга.

Первый раз видел зверей, которые с такой злобой и жестокостью убивали друг друга. Ни за что. Без причины. Хлад-

нокровно, расчётливо, будто выполняли какую-то работу...

Да и вообще, когда я последний раз видел, чтобы убивали друг друга...

Не помню. Я не застал то время, когда убивали, я родился, когда и кражи были не в порядке вещей. Никак не думал, что в городских трущобах до сих пор осталось это зверство, когда стравливают собак, птиц, змей... только тут похлеще. Много похлеще.

Ничего, всё расскажет. Как миленький. Под ментоскопом и не такие раскрывались, рассказывали всю подноготную, когда уже не остановить задержанного, выкладывает тебе всю свою биографию, первую-вторую-третью любовь, первую-вторую-третью ненависть, а в детстве под кроватью Глазастик жил, а под кровать смотреть нельзя было, там Глазастик, а...

А...

Подъехал шеф, я вышел ему навстречу, мне не терпелось сказать, что...

– Поймал-таки? – шеф прямо светится, я ему сболтнул по телефону про пришельцев, так шеф мне только что памятник не ставит...

– Ага... тёпленького взял... в притоне его...

– Во-от, всегда говорил, далеко пойдёшь, молоток, парень, молоток, вырастешь – кувалдой будешь...

Ну, не всегда, чуть не добавил я, еле успел промолчать...

– Этих-то видел? – подмигивает шеф. – Тварей?

– Ага, видел... жуть...

– А как они друг друга... взглядом на расстоянии...

– Ну. Я всё боялся, как бы они нас не поддели...

– Да не бойсь, там всё продумано, стекло стоит... Ну, где у тебя живодёр-то этот сидит?

– Вон, в камере... слова из него не выжмешь.

– Ой, ничего, выжмем, и слово, и не слово... будет знать, как гадости всякие народу показывать...

Шеф идёт к камере. Теперь ещё более заметно, что под хмельком, да не под хмельком, а под хмелищем, как вообще на ногах держится. Смотрит на арестованного, прищуривается ещё больше.

– Ко-о-го я ви-ижу? Сколько лет сколь-ко зи-им!

Хлопают друг друга по плечам, через решётку, шеф делает мне знаки, давай-давай, открывай, чего встал...

Открываю. Смотрю, как шеф тащит заключённого, или заключённый тащит шефа, уже не разобрать, устраиваются за столом, шеф ещё пытается что-то разлить по бокалам, не может.

– А я слышал... ты в звёздах там... погиб...

– Такие не погибают, знаешь...

– Развернулся, клуб открыл?

– Ну...

– Эти у тебя там... дерутся?

– Ну... звери, чисто звери, ты бы посмотрел...

– Ага... зайду как-нибудь...

– А-а, и все скажут, шеф полиции пришёл... этих смотреть...

– А я за... мак... за... масс... ки...

– Замаскируешься, говоришь? Ну-ну...

– Хорошо получаешь, с показухи со своей?

– Не жалуясь... тебе отстегну, будь спок... семьдесят на тридцать.

– Ну, это ты прямо что-то загнул... от щедрот...

Вспоминают обо мне. Как-то оба, разом, смотрят на меня, хочется выхватить пистолет, застрелить обоих, пока они меня не застрелили...

– А парень у тебя молодчина...

– Не сильно он тебя?

– Да нет, что ты... кроме шуток, молодец парень... а ещё говорят, полиция у нас лыка не вяжет. Ещё как вяжет. Премию ему теперь надо.

– Да я тоже думаю... премию ему подкинуть, да и начальником отдела поставить...

...пишу это, потому что не могу не писать, не могу молчать, хоть на бумаге выложу всё. Как есть. Про меня. Про шефа. Про звёздного странника. Про тех тварей, которые там... там...

Пишу, чтобы не молчать.

И ничего не могу поделать.

Я тоже дорожу своим местом.

Очень дорожу.

Выхожу на улицу в поток прохожих, они смеются, догонят друг друга. Они не знают, что там, в тёмных кварталах... а может, знают. Вот так: отходят от станка, встают из-за стола в конторе, уходят пораньше, ссылаясь на неотложные дела дома, супруга приболела, и всё такое. Потом звонят супруге: на работе завал, я немного задержусь, родная, к ужину не жди... а сами потихоньку едут в тёмные кварталы, путая следы...

Смотрю в лица прохожих. Разве вот этот почтенный отец семейства может истошно орать – кро-ви, кро-ви? Или вон та дамочка разве делает ставки на красных, на красных, сегодня на красных...

Не верю.

Горожане сами не знают, что у них под носом творится...

Сворачиваю в неприметный подъезд, протягиваю четыре штуки за билет. Подорожали билеты... вхожу в зал, первым делом ползу к тотализатору, сегодня ставлю на красных.

Кресла у них здесь неудобные, щупы поджимать приходится, клюв девать некуда. Ну да ничего. Дело того стоит.

Конферансье объявляет...

Чувствую, как сжимается сердце, как закипает кровь, как рвутся из меня какие-то первобытные инстинкты. Уже нет меня, растворяюсь в ревущей толпе, скандирующей – кро-ви, кро-ви...

Они бросаются в атаку, друг на друга, страшные, вертикальные, непонятно как не падающие со своих подпорок. До поры до времени. Убивают друг друга. Взглядами, взглядами, на расстоянии, мне кажется, убивают самой ненавистью.

...довожу до Вашего сведения, что сегодняшнее наше наступление закончилось победой. Китайское подразделение полностью разгромлено. Пленники перенаправлены в...

...в который раз во время спецоперации наши солдаты стали свидетелями странного феномена: вокруг поля боя мы наблюдали странного вида сооружения, на которых сидели лиловые существа со множеством отростков. Попытки приблизиться к существам не увенчались успехом: между нами как будто находилась непреодолимая прозрачная стена...

2013 г.

СОЛОВЬИНЫЙ САД

Иногда соловьи приходили в рощу, послушать человека. Конечно, только иногда, когда настроение было соответственное, лирическое. Приходили по одному, приходили парочками, целовались в роще.

Слушали человека.

Человека услышать – большая редкость, человек, он же тоже не всегда поёт. Делает что-то в своей клетке, своё, человеческое, или бегает в колесе, или листает страницы, или сидит перед экраном. Соловьи ему специально всё сделали в клетке, как у людей: и экран, и сшитые страницы, и местные умельцы даже слепили гипсовую женщину, как настоящую. Кресло плетёное сплели, диван. Чтобы всё, как у людей.

Да кто знает, как должно быть у людей...

А иногда человек поёт. Особенно по весне. Или если сам вырезает что-нибудь из дерева, это у него ловко получается. И поёт, это тоже хорошо у него получается...

– Да-а... а п-пожела-ай ты им ни пуха, ни пера-а...

Или:

– Пусть ме-сяц-про-во-ци-ру-ет нас на об-ма-ан...

А уж по весне, если выпьет сок забродивших ягод, и давно поёт-заливается. Любо-дорого послушать:

– Аа-а бе-лый ле-е-ебедь на пру-ду-у...

Собирались соловьи послушать человека. В шутку спра-

шивали у него, сколько им жить. Считали слова в песне, сколько слов, столько проживут. Десять, двадцать, тридцать лет.

Кормили человека из рук – орехами и ягодами. Судили да рядили, как живут люди. Одни говорили, что люди всю жизнь по океану на кораблях плавают, этот же на корабле приплыл, корабль его утонул, он один остался. Другие говорили, да не-ет, люди тоже на каких-то островах живут. Да на каких островах, вы прямо видели, что ли, да?

Спорили. Ссорились. Мирились. Приходили послушать человека. Чудной всё-таки. Других людей рядом нет, а он – поёт.

Для кого?

Приходили посмотреть на человека. Приносили ему свежей рыбки, приносили мёртвых птиц. Нет, не соловьёв, боже упаси – диких птиц, у которых не руки, а крылья, диких птиц, которые на две лапы не встали, и палку в крылья не взяли.

Недавно было доказано, что у соловьёв диких и у соловьёв разумных общий предок. Учёный один доказал. Ну, вы, наверное, его фотографию в газете видели.

Нет, премию ему не дали. Хотели дать, но не дали. Передумали. Потому что он после этого своего открытия ещё что учудил? Стал хаживать к человеку. Нет, не чтобы послушать, как человек поёт. Нет. Этот учёный стал доказывать, что у человека есть зачатки разума. Вот так. Ни больше, ни

меньше.

А за такую чушь премию не дают. Где это видано, чтобы человек думал...

Ну да ладно, бог с ним, с учёным. Ещё что-нибудь откроет, глядишь, и правда дадут ему премию.

По вечерам собирались в роще, целовались украдкой. Слушали человека. Считали по словам в песне, сколько нам жить...

2013 г.

Утром в первый день творения

Утром – в первый день творения – я выходил, смотрел по звёздам, какой будет день.

Какой будет мир.

Если звёзды разбегались от Большого Взрыва ровно и гладко, значит, мир обещал быть хорошим, светлым. Обещал быть миром, в котором любят ближнего своего и непременно возвращаются домой из дальних странствий.

Тогда я выходил в мир гулять, катался на звёздах, скользил среди туманностей, а то нет-нет да и рождался на какой-нибудь земле, чтобы поцеловать женщину и вернуться домой из дальнего пути.

Если звёзды разбегались неровно, нервно, путались, сталкивались – мир обещал быть недобрым, зловещим. Обещал быть миром, где жгут города, и где солдаты не возвращаются с войны.

Тогда я отсиживался дома, пил горячий шоколад, смотрел в окно, по которому скользили всполохи огня и капли крови.

Сегодня даже не вышел посмотреть. И так всё ясно. А как я хотел, сезон дождей тянется уже вторую вечность.

Ладно, не всё же ясной погоде быть, можно и ненастью побыть немножко...

Никому не нужно

– Да никому это не нужно, – говорит кто-то.

Оборачиваюсь. Кто-то поспешно улепётывает в толпу.

Я его не преследую.

Я и сам знаю, что это никому не нужно. То, что я делаю.

То, что я рисую.

Это ещё не так страшно, когда кто-то говорит: никому не нужно. Страшнее бывает другое, когда кто-нибудь спрашивает:

– Зачем?

А я не знаю, зачем. Просто не знаю, и всё тут. Зачем рисую. Зачем каждый день выволакиваю на улицу этот проклятый мольберт, как проклятый, размазываю краски по холсту.

– Картины недорого, пейзажики, портреты на заказ, абстракция на любой вкус, любой каприз за ваши деньги... – говорю нараспев.

Прохожие не слышат. Не замечают. Изредка приостанавливаются, призамедляют шаг. Снова бегут куда-то по своим делам, по магазинам, по офисам, по метро, по лифтам, по фабрикам и залам заседания.

Они не смотрят на мои картины.

Они никогда не будут смотреть на мои картины.

У них нет глаз.

Ни у кого. Идут. Спешат. Подставляют солнцу безглазые

лица. Трещат по мобильникам, да-да-да, иду-иду-иду, буду-буду-буду...

А иногда, вот так, кто-нибудь зашипит за спиной:

– Да никому это не нужно...

Вздрагиваю.

Но это ещё ничего, не страшно. Хуже другое, хуже когда подойдут и спросят:

– Зачем?

Вот и думай-гадай, что ответить...

Я и сам не знаю, зачем пишу картины. Просто. Не могу не писать.

Иногда – редко-редко – кто-то что-то покупает. Так. Просто. Вешает в доме на стене. Так. Просто. Всё равно ничего не видит, что на картине. А может, покупает, чтобы сделать мне приятно. И в соседнем районе бросает картину в мусорный бак.

Иногда сам себя спрашиваю: зачем.

И не нахожу ответа.

Потому что я их тоже не вижу.

Картины.

Потому что у меня тоже нет глаз.

Иногда провожу пальцами по холсту, ощупываю, пытаюсь понять, что изображено на картине, не понимаю.

Жду, что однажды придёт кто-то, кто увидит. Скажет мне, что там, на холстах.

А вы видите?

A?

2013 z.

Вам скомпенсируют

– Вечер добрый.

Оторопело смотрю на него. С ума я сошёл, что ли, дверь на тридцать три раза закрывал, и на тебе...

Вертится на языке: как вы сюда попали, вместо этого выжимаю из себя:

– З-здрассте.

Проклятая вежливость. Грабитель в дом ввалился, а я – здрассте. Ещё бы чашечку кофе предложил. Грёбаное воспитание, ах, Мишенька, ах, поздоровайся, ах, какой невоспитанный мальчик...

– Нет, я не грабитель.

– Мысли читаете?

– Вроде того. Разрешите сесть?

– Р-разрешаю.

Садится. Почему-то не в кресло, а на пол. Незванный гость с синим лицом и горящими глазами. Сразу начинает вертеться на языке: у неё глаза – два бриллианта, три карата...

– У меня для вас... плохие новости...

Ёкает сердце, с Ирккой что-то... или Данька что натворил...

– ...вам придётся съехать.

– Как съехать?

– Из дома.

– К-как... совсем?

– Да. Совсем.

– Но...

– Здесь будут строить базу.

– К-какую?

– Военную.

– Кто?

– Мы.

Даже не спрашиваю, кто мы. Вообще: не всё ли равно, кто мы. Он смотрит на меня, холодно, пристально, от него пахнет чем-то синтетическим, неживым, как в кабинете у стоматолога, только хуже. Чувствую, что ему нет дела до меня. И до нас до всех.

– Но... вы понимаете... мне же жить негде...

– Вам скомпенсируют, – жестом фокусника он вынимает из кармана банкноты, – сколько нужно?

– Э-э... да мне дом нужен, понимаете? Крыша над головой... дом...

– Вам будет дом. Какой вы хотите дом?

Что-то взрывается внутри.

– Мне это... особняк. Двухэтажный. Чтобы на десять комнат.

Он бросает мне толстенный каталог.

– Выбирайте.

Выбираю. Ирка давеча каталоги листала, визжала, Мишаня, а я такой домик хочу...

– В-вот.

– Хорошо, – он встаёт, выпрямляется как-то не по-человечески, – уходите.

– Это... мне вещи собрать...

– Вам скомпенсируют.

– Паспорт! – почти кричу, вытаскиваю из закровов книжечку с двуглавым орлом. Хочу заодно захватить деньги, тут же раздумываю, совру этому синему, что у меня там тысячу двести в ящике стола лежало, и скомпенсирует, как миленький...

Выхожу из квартиры, проваливаюсь в никуда, прихожу в себя на лужайке перед особнячком. Трогаю траву, как в детстве, когда всё было новым и незнакомым, пытаюсь убедить себя, что трава настоящая, и дом настоящий, твёрдые стены...

– Это мы где? – оторопело спрашиваю синего.

– Сахара.

Оглядываюсь. Меньше всего похоже на Сахару, зелёные холмы и полноводная река. Кажется, они и здесь постарались.

Они...

Он помогает мне встать, усаживает в плетёное кресло. Бросает на плетённый столик визу мастеркард. Интересно, сколько там может быть. И что за манера писать пин-код прямо на визе, на мастеркарде.

Оглядываю холмы, бесконечные ряды особняков...

Про базу так ничего и не знаю, на базы даже репортёров не пускают. По всей территории России, плюс кусок восточной Европы, на половине Канады, и ещё одна база в Антарктиде плюс половина Австралии. А нам за железную ограду вход запрещён.

Смотрим по новому три-дэ телевизору, как люди отчаянно защищают землю от пришельцев в каком-то блокбастере.

Данька визжит, вау, круто, так их, так.

Хочется молотить кулаками в стену.

2013 г.

Вывихнул...

– Следующий.

Поднимаю голову, смотрю на вошедшего. Человек как человек, каких множество, вот скажите мне, как он выглядел, вот не отвечу. Прикидываю, с чем он сюда пришёл, с воспалением левой пятки или выпадением правого уха. Шучу. Хотя в моей работе вообще не до шуток, а шутить приходится, вот так сидишь у постели умирающего, за руку держишь, у-у, такой парень славный, и помирать собрался, да ты ещё на моих похоронах напьёшься...

Ладно, не о том речь.

– Слушаю вас.

Делаю умный вид, торопливо пишу в амбарной книге, пусть думает, я тут весь в делах по уши...

– ... вывихнул.

Что за парень, шепчет еле-еле, не разобрать...

– Сустав?

– Нет... ..

Опять что-то там бормочет. Мне слышится: уши вывихнул. Ну, ясное дело, что не уши, а что же?

Даже не пытаюсь угадать. Сдаюсь.

– Что вывихнули?

– Душу.

Присвистываю. Нехило.

– Дайте посмотрю.

– Да... неудобно как-то...

– Неудобно трусы через голову надевать. Раздевайтесь.

Смотрю. Анализирую. И правда, вывихнул, крепенько вывихнул, как это он вообще ухитрился... как специально, ей-богу.

– Это вы где же так?

– В офисе.

Снова присвистываю. Это дохлый номер, если в офисе.

– Это дохлый номер, если в офисе, – повторяю вслух, – сколько лет там, в офисе?

– Да... – неопределённо машет рукой, мол, сколько себя помню.

– Это дело дрянь... совсем уже дрянь...

Парень выкладывает пачку банкнот. Мотаю головой.

– Хоть миллион предложите. Не берусь вправить. Если бы вы где-нибудь на войне душу сломали, ещё куда ни шло. А в офисе...

Думаю, что он будет угрожать. Требовать. Настаивать. Ещё много чего. Нет, ничего. Понимающе кивает. Берёт пальто.

– Ну, мил человек, в конце концов, и без души живут. И ничего, неплохо. Да душа сейчас вообще редкость большая, что вы за неё так хватаетесь...

– Ага... с-спасибо...

– Да не за что... не во что... Чего скисли-то?

– Да нет... нормально всё...

Смущённо улыбается.

– Д-до свидания.

– И вам того же. Не болейте... эй, дверь там, это окно!

Распахивает, шагает с подоконника.

Долго не могу посмотреть вниз.

2013 г.

Зайчики

Пускаю зайчики.

Как в детстве. Бывает, берёшь зеркальце, ловишь солнышко, ещё думаешь про себя, вот какой молодец, солнышко поймал. И пустишь это солнышко в чьё-нибудь окошко. К дядьке, который министр, он только отмахнётся, к Ленке, чтобы во двор вышла, к бабке Никитишне, вот где мымра, а чего она на всех орёт, да пошли вон с газона, да я щас милицию вызову... Вот ей точно зайчика надо пустить, да даже не ей, а коту её, Барсику, чтобы хоп – за зайчиком прыгнул, на стену, и хоп – обои и сорвал хороший кусок...

Так ей и надо.

Жалко, теперь Барсику попадёт...

Это было давно. Я уже толком и не помню, как это было. Смотрю на детей, которые пускают зайчики, как на каких-то выходцев с других планет. В жизни не думал, что придётся зайчики пускать.

А вот пришлось.

И – куда бы вы думали – на те самые другие планеты.

Беру зеркальце, пускаю зайчиков. Зеркальце, конечно, громко сказано – огромное зеркалище, больше моего роста, больше пятиэтажного дома, больше острова Хоккайдо.

И вот этим-то зеркальцем я ловлю солнышко. Вот я какой, само солнышко поймал.

И пускаю зайчиков. Поворачиваю рычаги, переключаю тумблеры, чашку кофе проглотить, и то некогда, да оно и к лучшему, потому что сходить отлить тоже некогда. Направляю солнечные блики в сторону Плутона.

Я же как придумал: пускаю зайчики в сторону Плутона. Летит солнечный зайчик через Вселенную – дальше, дальше, падает на Плутон, на огромные фабрики и мегаполисы. Вспыхивают фабрики огнём. Это я тоже в детстве делал, вы только не говорите никому, ага? Это когда Никитишна, дура такая, Ленку за уши надрала, что мы по палисаднику бегали, я этой бабке проклятой зайчика пустил, ковёр подпалил. Ах, ах, пожар, ах, ох, горе-то какое...

Ну, это между нами.

А вот теперь на Плутон зайчики пускаю. Так-то, конечно, не вижу, куда они доходят, только чует моё сердце, горят сейчас мегаполисы на Плуtone синим пламенем.

Нет, вы только не подумайте, я против Плутона ничего не имею. Они, конечно, те ещё сволочи, но не до такой степени, чтобы мегаполисы им жечь.

А вот Юпитер, это да.

Если бы не Юпитер, Земля бы жила. Не так, как сейчас, полтора человека на всей планете, пустые города, мёртвые земли... а по-настоящему. Как раньше. Я и не знаю, как это было – раньше. Собираю фотографии, статьи, фильмы, обрывки чужой памяти. Лондон. Париж. Нью-Мехико. Сидней. Сейчас показать кому эти фотки, все в один голос спросят:

это что, Юпитер? Или – это что, на Плутоне города такие?

Про Землю уже и не вспомнит никто.

Земля уже сама про себя не вспомнит.

А что прикажете делать, не виноваты мы, что на Юпитере вода, а на Земле воды нет. Пока вода была, с Земли воду поставляли, цены на неё взвинчивали, а как не взвинчивать, самим-то тоже жить надо... Я ещё эти времена застал: демонстрации перед парламентом, нам не хватает воды, наши дети хотят пить...

Сейчас уже никто не хочет пить. Хотеть пить некому. Сейчас бы, глядишь, и дальше воду продавали, худо-бедно прожили бы ещё лет двести. Если бы не Юпитер.

А на Земле вода втридорога. А на Юпитере вода втридеша. Вот и думайте, у кого покупать будут...

Что тут думать...

Жму рычаги, тумблеры. Пускаю зайчики. Как в детстве. Некогда пойти чашку кофе проглотить. Оно и к лучшему, воду надо экономить.

Ловлю солнышко. Пускаю зайчики – на Плутон, на Плутон. Горят города, с грохотом взрываются фабрики, радио верещит про чрезвычайное положение, люди бегут из мегаполиса, а куда бежать, весь Плутон – один нескончаемый мегаполис.

Нет, вы не подумайте. Я против Плутона ничего не имею. Я против Юпитера.

И пускаю зайчики на Плутон.

Непонятно?

Вот Минобороны тоже было непонятно. Так что я это зеркальце (зеркалице) строил за свой счёт. Сам. Своими руками. Его же из чего попало не сложишь, тут самые лучшие материалы нужны...

Пускаю зайчики.

На Плутон.

Что-то вспыхивает на Плутоне, яркий свет летит через вселенную...

Замирает душа.

Ёкает сердце.

Жду.

Живо представляю себе, как Минобороны – не здешние, не местные, а тамошние, плутонные – объявляют: юпитерианская армия, вероломно нарушив договор о перемирии...

Им же и в голову не придёт, что это Земля...

Летит через вселенную яркий свет...

Ну же...

Болят глаза, кажется, из телескопа выдвигаются острые шипы, вонзаются в зрачки.

Юпитер вспыхивает огнём.

Разлетается на кусочки.

Йес-сс-с...

– Да... да... С удовольствием. Естественно. Без проблем. Я тоже так думаю. Несомненно. Да, я считаю это приемлемой ценой...

Слушаю. Киваю. Кто бы мог подумать, что переговоры окажутся такими простыми. Правильно, голод не тётка, а жажда и подавно, вот что значит, по всей галактике без водички остались...

Смотрю на мёртвые равнины за окнами, на опустошённый город. Скоро он оживёт. Совсем скоро. Нужно только подождать. Денежки к нам сами потекут. Как вода.

Мельком смотрю на градусник, вот чёрт, вроде бы октябрь уже, а плюс тридцать...

– ...качество значительно ниже, чем на Юпитере...

Прыщавый химик вызывающе смотрит на меня. Пожимаю плечами. А вы что хотели. Кому надо на Юпитер, пожалуйста, покупайте на Юпитере, только ничего, что Юпитера уже и в помине нет?

– ...поэтому с ценой в пятьдесят у-е мы не согласны, хотя бы сорок...

– Сорок пять, – говорю я.

– Ну, вы понимаете, примеси солей...

Фыркаю. Ой, примеси им не нравятся. Можно подумать, опреснители воды сейчас такая редкость.

– Сорок пять.

Большие люди с большими деньгами смотрят на меня с

ненавистью. Смотрите, смотрите, всё равно вам некуда деваться.

Солнце жарит вовсю, прыщавый химик вытирает с лица сальный пот. Плюс пятьдесят. Это что-то новенькое. И солнце кажется в полнеба. Вот тебе и ноябрь.

Большие люди с большими деньгами торопливо переговариваются на своих неземных языках. Переключаю кондиционер на двойку, плевать, что экономить надо, сил моих больше нет...

– Мы согласны. Но первую партию воды мы бы хотели получить немедленно.

– Предоплата... пятьдесят процентов.

– Несомненно.

Заворожённо смотрю, как насосы вытягивают из остатков Тихого океана остатки воды. Пляшут на насосах солнечные зайчики...

Пляшут зайчики... падают на песок, на высохшую траву, трава вспыхивает огнём...

Вежливо предлагаю большим гостям поужинать. Они так же вежливо отказываются. Прекрасно понимаю, сейчас самому хочется только пить, пить, пить, залезть по уши в воду, самому стать водой...

В темноте ночи смотрю, как важные гости с рёвом и грохотом улетают с Земли. Столбик термометра упорно не хочет опускаться ниже сорока, спускаюсь по раскалённому песку

к остаткам океана. Вода мутная, тёплая до тошноты, но всё-таки вода...

Где-то хрипит радио, сообщает, что где-то горит земля...

Пляшут солнечные зайчики на выжженной земле. Большие, злые, горячие, больно жалят языками пламени.

И самый большой раскалённый зайчик пляшет не на земле, а на небе. В полнеба. Не верится, что это солнце...

Что у нас со связью... да не только со связью, тут со всем чёрт знает что творится. Отчаянно пытаюсь дозвониться до больших людей с большими деньгами.

– День добрый.

– А-а, Михаил, вы ещё с нами...

Мне кажется, они удивлены. Даже очень. Что я ещё с ними.

Хочу спросить, что они имели в виду. Не спрашиваю. Делаю вид, что ничего не сказали.

– Э-э... я по поводу очередных поставок...

– Очередных поставок не будет.

Мне кажется, я ослышался. Что значит, не будет, да как они посмели не покупать у меня воду, когда мне деньги нужны, как раз сейчас, когда жара за восемьдесят зашкаливает, солнце сходит с ума...

Пляшут солнечные зайчики...

– А... по... почему?

Ожидаю услышать, что они нашли, на какой-нибудь пла-

нете Нибиру или комете Галлея жидкий лёд или твёрдый газ, из которого можно гнать воду...

– А потому что скоро от вашей Земли останется пепелище, вот почему.

Я и сам согласен, что пепелище. Только опять же не понимаю...

– ...почему?

– А вы на орбиту свою посмотрите хорошенько!

Связь пропадает, завязывается узлом на самой себе. Смотрю на орбиту. Через приборы, через экраны – смотрю на орбиту.

Припоминаю, что когда-то земля двигалась по кругу. По эллипсу. По... не знаю там, по чему.

Но уж, по крайней мере, не по спирали.

Не по спирали, которая стремительно уходит к Солнцу.

Бешено пляшут солнечные зайчики, отплясывают дикую сальсу.

Начинаю понимать.

Юпитер.

Да, Юпитер. Огромный газовый гигант, в облаках которого болтались пузыри-города.

Юпитер.

Огромный газовый гигант, который притягивал Землю, не давал ей упасть на...

Юпитер.

Второй месяц все только и говорят о нападении Юпитера

на базы Плутона. Вот, сволочи, не посмотрели на договор о перемирии, пустили солнечный зайчик. Ничего, с Плутона им вдарили, от Юпитера рожки да ножки остались...

Солнечный зайчик...

Пляшут солнечные зайчики, горит земля.

Солнечный зайчик...

...пускаю зайчики...

...в окно...

...хулиганы такие, щ-щас, милицию вызову...

...идiotка...

...солнечные зайчики...

Ле-е-е-нка-а-аа, выходи-и-ии...

...зайчики...

...зайчики...

2013 г.

В супе

Когда я вернулся домой, меня дома не было. И я сел ждать себя у двери. Потому что я забыл ключи, и без себя в дом бы не попал.

Я вернулся очень поздно, в половине одиннадцатого вечера. Я даже пожурил себя. В ответ на это я только пожал плечами, мол, сам себе хозяин, когда хочу, тогда и возвращаюсь.

Потом мы сели ужинать. У меня на ужин были сухарики с пивом перед телеком. А у меня на ужин был стакан кефира и хлеб с маслом.

– Где работаешь? – спросил я себя.

– В ЦУПе, – сказал я.

– Это что за суп такой?

– Не суп, а ЦУП. Центр управления полётами.

– Круто, – сказал я.

– А ты где? – спросил я себя.

– А-а, телефоны продаю.

– Тоже ничего.

В полночь очертания квартиры смазались, наши миры стали расходиться, чтобы встретиться в следующий раз через пять лет.

Вспомнил, что не спросил, какая у них валюта.

2013 г.

А случай бывает вонючий

Когда это всё началось, я крестился. На всякий случай. И, как оказалось, не прогадал.

В чулане, в дальнем углу, у меня хранился партбилет. На всякий случай. А то мало ли что.

В нижнем ящике комода у меня хранилась нарукавная повязка со свастикой. А то вдруг вернуться в наш городок...

Ещё дальше в том же чулане я припрятал выданные мне когда-то царские грамоты. А то всё может быть.

Там же у меня лежал французский флаг и солдатская форма наполеоновских войн. На всякий случай.

На антресолях я хранил накладную бороду. На тот случай, если отменят указ царя Петра.

Там же я хранил польское платье, на тот случай, если вернётся Лжедмитрий со своими поляками.

А то всякое бывает. Кто сказал, власть меняется... сегодня поменялась, а завтра...

Всё предусмотрел.

Всё, да не всё.

Поплатился за то, что не догадался убрать из гостиной скелет динозавра. Долго потом с пеной у рта доказывал, что скелет гипсовый. Долго не верили, просто не понимали, что такое – гипсовый.

2013 г.

Тени чёрные

Ползём по земле вслед за человеком, ползём по песку, по холмам, по склонам, по камням, по шоссе.

Ползём, сколько себя помним. Куда идёт человек, туда же и мы за ним, и так испокон веку.

Мы тени.

Сейчас нас двое. Две тени, тянемся за человеком, спешим за ним, не отстаём, замираем, когда он замирает, торопимся, когда он ускоряет шаг. Длинная тень и короткая тень. Тень от голубой звезды и тень от красной звезды.

Мы тени.

У короткой тени ум короток, ничего-то короткая тень не знает, вся-то она погрязла в мелких делах. У долгой тени и ум долог, всё знает, всё думает, смотрит в небо, где пылают два солнца, красное и синее.

Идёт человек.

И мы, тени, за ним спешим. Короткая тень всё длиннее, длиннее становится, а длинная всё укорачивается. Вот встретились тени, поговорили по душам – как равный с равным – и дальше пошли, одна всё короче, другая всё длиннее.

А там и третья тень проклюнулась. Ну, как третье солнце над горизонтом встало, так третья тень и проклюнулась. Длинная-длинная-длинная тень, блее-ее-кляя-бле-ё-ёкляя. Думает себе что-то тень, много-много чего думает, много мыслей у

долгой тени. Только незаметные они, невидимые, как она сама.

А третье солнце, жёлтое солнце, всё выше, выше поднимается. И тень всё короче, короче, всё ярче, ярче. Всё короче мысли у тени. Всё громче думает тень, а что думать-то, мыслишек-то не осталось...

То-то и обидно, что длиннее всего тень бывает перед смертью. Когда солнце за холмы закатывается. А там уже что длинным быть, всё уже, смерть приходит.

Другие две тени с умершей тенью прощаются, да ненадолго, знают, вернётся. Когда-нибудь.

Иногда две тени остаются.

Иногда одна.

Иногда ни одной.

Это когда все три звезды за холмы закатятся.

Тогда тени исчезнут.

А когда единственная луна за холмы зайдёт, тогда исчезнет и человек.

2013 г.

Только если верить

Мы спешили с севера на юг и с юга на север, с востока на запад и с запада на восток.

Били копыта в снег, снежинки падали на взмыленные крупы, мы подгоняли друг друга окриками, боялись отстать.

Иногда вождь отдавал приказ – и мы сворачивали в другую сторону, били копытами в снег, и снежинки падали на взмыленные тела.

Мы искали города.

Смотрели в бинокли, в подзорные трубы, дожидались, пока стихнет метель, выискивали далеко-далеко на горизонте хотя бы шпиль, хоть одинокий огонёк, возвещающий, что где-то там, там – город.

Но города не было.

По вечерам у костров рассказывали друг другу про города. Как там стоят каменные дома, и в них горит яркий свет, как в городах никогда не бывает зимы, и вместо снега земля укрыта мягкой травой. Еда там растёт прямо в супермаркетах, её не надо добывать из-под снега. А на больших экранах на площадях можно увидеть дивные миры.

Одно плохо: города всё время бегают с места на место. И их очень трудно поймать.

Вот мы и ловили города. всю жизнь. Искали города, бродили с запада на восток, с востока на запад, с юга на север, с

севера на юг. Над могилами умерших ставили флюгер – как символ города. до хрипоты судили и рядили, как же найти город.

Так проходили века и века.

А потом я сделал гениальное открытие. Главное, я не хотел делать открытие, получилось само собой.

Я поделился с остальными. Остальные выслушали меня оторопело, сначала не поверили. Но я доказал им, что был прав.

Я сказал им, что города не могут ходить и бегать. Просто потому, что... у них нет ног.

Мне сначала не поверили, посмеялись. Молодой ещё, вот и придумывает всякое. Но потом глянули-таки карты древних городов, которые носили с собой, как святыню, убедились: у городов и правда нет ног.

И крыльев.

Я чувствовал себя величайшим из гениев, когда говорил своим соплеменникам: а поскольку у городов нет ни ног, ни крыльев, они не могут никуда убежать от нас.

А это значит, что никаких городов не существует. И незачем нам гоняться через пустоши.

Меня выслушали.

Удивились.

И приговорили к смерти.

Казнь назначили на рассвете, приковали меня к столбу, чтобы не сбежал.

Скребнут копыта снег.

Падают снежинки на взмыленные крупы.

Шепчутся странники: о городах, о городах, а о чём ещё,
как не о городах..

Ночью ко мне пришёл вождь. И сказал мне, что я идиот.

Я и сам понимал, что я идиот.

А вождь объяснил. И я с ним согласился.

Потом вождь отвязал меня и выпустил, скачи, парень, скажи,
что ты сбежал... может, найдёшь себе другое племя. Или
сам как-нибудь перекантуешься.

Я ускакал от них, полная луна ловила на серебристом снегу
мою тень, тень кентавра.

Может, прибьюсь к другому племени.

Может, сам проживу.

Может... найду город.

Можно найти город.

Только если верить, что города бегают с места на место.

2013 г.

Проболтался

Мне приснился город. Большой город. Красивый город. Город, уходящий под облака. Город, сам запутавшийся в своих магистралях. Город, в котором ночью от огней было светло, как днём. Город, манящий своими витринами и вывесками. Город, дымящий фабриками.

Но в городе не было людей. Ни одного. Напрасно я оглядывал пустые улицы, заходил в магазины и кинотеатры, искал себе подобных. Людей не было. Совсем. Непохоже было, чтобы они спали в домах, или в спешке покинули город, потому что случилась беда. Создавалось впечатление, что людей не было. Совсем. Никогда.

– Где люди? – спросил я.

– Здесь нет людей, – ответили мне.

– А... почему?

– Ну... город не захотел, чтобы были люди. И их не было.

– Но... как?

– Ну вот скажи, у тебя есть дети? – спросили меня.

– Нет.

– А почему?

– Ну... я этого не хочу.

– Ну вот. А город не хочет, чтобы у него были люди.

Я даже испугался. Ведь если город ненавидит людей, значит, он может сделать со мной что-нибудь... Например,

сбить машиной. Или... бр-р, лучше и не думать, что может город сделать с человеком.

– Не бойся, – успокоили меня, – город, конечно, не хочет своих людей, но против людей ничего не имеет. Ему даже интересно, когда изредка забредают люди. Нет, есть, конечно, и другие города, которые людей на дух не переносят, им только попадись, будут лежать твои белые косточки на улице. Этот не такой, можешь не волноваться, он тебя встретит, как дорогого гостя.

Я всё равно ничего не понимал:

– А... кто же его построил?

– Сам себя построил, что непонятно-то. Это называется, город, который сделал себя сам.

– Ой, сам, как бы не так, – возразили другие, – если бы не протекция мегаполиса, чёрта с два бы он себя сделал...

Я задумался, как всё устроено в этой реальности, где живут безлюдные пустые города...

– Ну, безлюдные, не значит, пустые, – возразили мне, – этот-то пустой и безлюдный. А есть города, которые вместо людей заводят кошек. Собак. Птичек. Некоторые даже электронных питомцев заводят... киборгов... планшетники...

А потом я проснулся, так и не узнал, где живут люди, которых не захотели города. И живут ли вообще.

Жуткий сон. Сон, который невозможно забыть. Представляю себе, как наши города, внезапно спохватившись, прогоняют нас. Эскалаторы выталкивают людей из метро, закры-

ваются двери поездов, машины бьют прохожих, фабрики выпускают ядовитый дым.

Чепуха, конечно. То здесь, а то там. Мало ли какие параллельные миры бывают. Мне вот снился один мир, где всем заправляют разумные пауки. Венец творения. И всё было хорошо, встретили меня по-доброму, накормили обедом, подали к столу отличное жаркое. Всё было хорошо. Пока не пригласили меня на охоту. И мы пошли охотиться на мохнатое нечто, до чёрта напоминающее людей...

Так что всякие миры бывают, конечно, нам-то чего их бояться. У них так, у нас эдак.

Только я всё равно боюсь.

И вы бойтесь.

Потому что... я проболтался, рассказал этот сон Москве.

2013 г.

Золотые правила

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО № 13

Никогда не говорите себе: это невозможно.

Вы всё ещё верите, что в жизни бывают вещи, добиться которых невозможно? Вы считаете, что есть несбыточные мечты?

Ну-ну.

А знаете ли вы, что сто лет назад люди не умели летать? Не знаете? Ну конечно, где вам, погрязли в своём унынии, некогда подключиться к Мировому разуму.

И, тем не менее, это так. Сто лет назад люди использовали для полётов различные аппараты, приспособления, вы можете посмотреть их в виртуальном музее. Но сами люди летать НЕ УМЕЛИ

Способность к полётам появилась только в 2070 году. Если бы человеку, скажем, двухтысячного года, сказали, что его потомки будут летать, он бы только покрутил пальцем у виска.

А вы говорите – невозможно.

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО № 14

Никогда не говорите себе, что вы родились в ужасное время.

Всё ещё считаете, что вы живёте не в том веке? Ну конечно, в старину было намного лучше, а сейчас вся наша хваленая цивилизация катится ко всем чертям

Знаете ли вы, что сто лет назад... люди были смертны? Кто не знает, что такое смертны, посмотрите во Всемирном разуме. Или посмотрите, как умирают животные. Если никогда не видели, значит, клининг в вашем городе работает очень хорошо. У нас так не очень. Неделю назад видел во дворе издохшего кота.

Так вот. А тогда смертными были люди. Представьте себе, что это значит. Вы живёте в страхе перед небытием. Вы знаете, что однажды не увидите своих близких. Вы не можете спланировать проект, скажем, лет на пятьсот, потому что не доживёте до его завершения.

А теперь скажите: вы всё ещё считаете, что живёте в ужасном времени?

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО № 15

Никогда не говорите: Я не могу это изменить.

Меня поражает, как часто мои клиенты говорят мне: я не могу что-то изменить в своей жизни. Место работы, место проживания, круг общения... Одна дама призналась мне, что у неё не хватает решительности... переставить мебель в

квартире!

Знаете ли вы... я не устану повторять, знаете ли вы. Так вот, знаете ли вы, что лет сто назад пересадка органов была делом очень долгим и дорогостоящим, а лет двести назад люди вообще не умели пересаживать органы!

Только представьте себе: у вас прихватило сердце, и чтобы поменять его на новое, Вам придётся продать квартиру. А то и этой суммы не хватит, и вам останется только лечь и умереть (см. выше).

Более того – искусственных органов не было! Кто не понял, объясню, что это значит: органы можно было взять только от другого человека. Мёртвого, или... живого. Да-да, человек порой продавал свои органы. И это в лучшем случае. А то бывало и такое, вас приглашают в гости, поят сильнейшим наркотиком (см) и... разбирали ваше тело на запчасти.

Сколько времени и сил занимала сама пересадка органов, пояснять не буду. Скажу одно: это вам не сегодняшний день, когда заходите в магазин, выбираете новое сердце, собственноручно вставляете за полминуты.

А вы говорите – ничего нельзя менять. Когда меняете остановившееся сердце на новое, почему-то так не колеблетесь, как когда думаете поменять квартиру или работу...

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО № 16

Если у вас что-то не получилось с первого раза, никогда

не говорите: я этого не могу. Попробуйте ещё. И ещё. И ещё.

Вы знаете, сколько на Земле было попыток создать человека? А я вам скажу. Шесть. Шесть раз Вселенная пробовала на нашей планете создать разумное существо, и пять раз терпела неудачу. Тем не менее, Вселенная почему-то не впадала в депрессию. И не опустила руки. Учла все предыдущие ошибки и попробовала шестой раз. Что у неё получилось в шестой раз, мы с вами видим в зеркале.

И заняли все эти попытки, ни много ни мало, миллиарды лет. А вы впадаете в отчаяние, когда у вас что-то не получается со второго раза.

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО № 17

Если вы долго не можете добиться успеха, попробуйте другой путь.

Вот скажите мне, как раньше природа пыталась сотворить человека? Не знаете? А я вас огорошу.

Предыдущие пять раз природа пыталась сотворить человека... из белка.

Да-да, из белка. Ну, не только, конечно. Белки, жиры, углеводы. И всё такое прочее, из чего состоит всё то, что бегают, мяукают, гавкают и чирикают у нас на улице.

Маленький экскурс в историю, который вас, надеюсь, не утомит.

Первый раз вселенная пыталась создать человека... одно-клеточного. Но одной клетки было явно недостаточно для разума.

Тогда вселенная создала крупных подводных тварей. Но и они подкачали.

Третьей попыткой были наземные пауки. Зачатки разума у них были, но недостаточные.

Четвёртая попытка. Вы видели эту попытку у входа в Государственный музей. Конечно, я говорю о ящерах.

Пятая попытка. Пожалуй, одна из наиболее удачных. Вселенной удалось создать почти идеального человека. Но... скажите на милость, какой из тебя человек, если ты смертен? Какой из тебя человек, если в самый неподходящий момент у тебя отказывает сердце? Разве ты человек, если помимо холодного разума в тебе живёт зов природы, эмоции, как говорили в старину – зов сердца?

А что вы ещё хотели, если человек был создан... из белка?

Тем не менее Вселенная не опустила руки. Вселенная оказалась умнее нас, она поняла, что на белке далеко не ускачешь. Вселенная изменила материал, руками пятых недолюдей собрала настоящего Человека. Всемогущего. Универсального. Мелкие недоработки вроде перегорающих микросхем, это не в счёт. Не покупайте с рук на китайских базарах, и всё будет хорэ.

Вселенная также не стала заморачиваться: как ей уничтожить недолюдей. Она сделала это руками Человека, который

понял свою священную миссию.

Так что иногда достаточно посмотреть на проблему по-новому. И вы её решите.

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО № 18

Не бойтесь делиться своими идеями с другими.

Вы представьте, что будет, если у вас есть новенькие батарейки, а у ваших коллег они разряжены... и вы спрячете свои батарейки в стол: никому не дам? Готов спорить, ваши друзья...

2013 г.

Разлитые сказки

Ночью был звездопад. Сильный, густой. Бывает такое: продырявится небо, звёзды из него так и сыплются, так и сыплются.

А наутро на асфальте в городе после звездопада остались сказки. Разные. Большие и маленькие, глубокие и мелкие. Блёклые и радужные.

Люди боязливо обходят сказки стороной, стороной, поджимают полы плащей, пробираются мимо особо глубокой сказки по краешку, по краешку бордюра, балансируют, боятся упасть. А то мало ли там что, в сказке: упадёшь и не выплывешь.

Машины проносятся, вздымают сказки разноцветными брызгами. Обдают брызгами прохожих, люди стряхивают с себя остатки сказок, тьфу ты чёрт, новую куртку надела...

– Куд-да в сказки лезешь, быстро дай руку!

Это родители. Дети выбегают из подъездов, видят сказки, бегут к ним, тянут руки. Родители торопятся на работу, на работу, хватают детей, хлопают: не лезь, ком-му сказала...

– Горе моё, ты где извасюкался-то так? Да ты всю курточку изгваздал, свинья такая, ты на себя посмотри!

Дети режут. Тайком от старших пробуют сказки ногами. Матери стряхивают с детей кляксы сказок.

Смотрю в сказки, разлитые по асфальту. В этой отражает-

ся чёрный замок на фоне полной луны. Здесь плещутся русалки. Вон в глубокой сказке дивный лес, полный загадок и тайн. Вон крохотная сказка притаилась возле водостока, там какой-то дом на луне...

Стою во дворе, мокрым от дождя.

Смотрю на сказки.

Мне как-то больше в детстве повезло, мне покупали резиновые сапоги, разрешали ходить по сказкам. Хотя, правда, тоже орали, если совал в них руки, пробовал поймать какого-нибудь дракона или призрака.

В жизни не думал, что буду смотреть на сказки. Сейчас. В тридцать лет. Сам недавно ни свет, ни заря выбегал из дома, нёсся на работу, сломя голову. Сам недавно покрикивал на сына: в сказки не лезь, ком-му сказал, идиотище...

Всё как-то слишком быстро рухнуло. В одночасье. Фирма, семья, планы какие-то, мечты.

Осталось стоять, смотреть на сказки.

Иду вдоль глубокой сказки с замком и луной, пробую ботинком самую кромку сказки.

– Куд-да полез, идиотище окаянное!

Вздрагиваю. Нет, это не мне. Какому-то мальчонке в розовой курточке. Зачем детям розовые курточки покупают, всё равно в два счёта сказками изгваздают...

Смотрю в сказку, опрокинутую на асфальте.

Делаю шаг.

Прыгаю в глубину, вздымая радужные брызги...

2013 г.

Город ищет человека

За годы странствий город обветшал, поистрепался в долгом пути. Его улицы, некогда чисто выметенные, замело снегом и умирающими листьями. Краска с его фасадов облупилась, ограды поржавели. Кое-где в домах выбились стёкла, и на крышах отлетела черепица. Когда-то ухоженные газоны покрылись сорной травой, в нетопленных домах было холодно.

Но город не отступал, он всё так же шёл и шёл через снега, через ледяные холмы и высокие горы.

Заблудившийся город искал человека.

Он знал, что где-то там, там, там, за горами, за белой метелью, за заснеженными холмами, – должен быть человек. И когда-нибудь город увидит его огонёк.

Другие города смеялись над Городом и не понимали его. Для чего тебе человек, можно подумать, без человека не проживём. И так хорошо, сколько веков без человека жили, и ничего, никто не умер. Вообще не существует никаких людей, сказки всё это, что по ту сторону гор живут люди. Вон, легенды почитай, там ещё и не такие бредни написано, что земля круглая, и в небе висит ни на чём, и вертится вокруг солнца, а не солнце вокруг земли.

Да и вообще, мало ли чего ждать от этого человека, мало ли что про него легенды говорят... Кто тебе сказал, что он в

тебе жить будет, может, он тебя съест.

Другие города давно получили два высших образования, построили карьеру от менеджера до топ-менеджера, женились, взяли ипотеку и машину в кредит.

А Город искал человека.

Шёл и шёл, через снега Гималаев, в пределах тех границ, где города оживают и могут ходить. Звал человека – манил огнями, которые зажигал на высоких башнях.

Ведь город видел сон. Видел человека, озябшего, измождённого, одиноко бредущего через снега. Человека, который оставил свой дом и ушёл в заснеженные горы на поиски чего-то, может, он сам не знал, чего. Шёл через заснеженные перевалы, оставляя за собой кровавый след, искал в темноте ночи: не мелькнёт ли огонёк Города...

2013 г.

Если всё-таки решил...

Итак, если ты всё-таки решил покончить с собой, прочитай эту страницу. И пойми, почему этого делать не надо.

СПОСОБЫ САМОУБИЙСТВА

Столкновение с метеоритом. Способ маловероятный, метеориты у нас летают не так часто. Тем более достаточно крупный метеорит вы чёрта с два найдёте. А об мелкий только поверхность себе исцарапаете, и всё.

Столкновение с кометой. То же самое. Это ещё подгадать надо, чтобы ваша орбита совпала с орбитой кометы. А пока будете подгадывать и подсчитывать, глядишь, умирать расхочется.

Изменение своей орбиты так, чтобы упасть на звезду. Это можно сделать с помощью того же метеорита. Способ трудоёмкий, потому что опять же нужно рассчитать траекторию, чтобы врезаться именно в звезду. Если не получится, будете лететь по космосу в никуда до скончания мира. Перспектива не заманчивая.

Тем более, если у звезды вы не один, кто вам дал право падать на звезду? Вы про других подумали, им-то каково будет жить, если звезда взорвётся? Хотя, самоубийцы об этом

обычно не думают. А зря.

Изменение своей орбиты, чтобы столкнуться с кем-то ещё. Вообще безобразие. Вы о ком-то ещё подумали? Хорошо, вам жить надоело, а он почему страдать должен?

Взорваться изнутри. Не выйдет. Хотя бы потому, что управлять своими термоядерными реакциями мы не умеем. Хотя, говорят, были такие, которым удавалось.

Притянуться к чёрной дыре. Не выйдет. Чёрных дыр во вселенной не так много. Столкновение с ними маловероятно.

Уронить на себя собственный спутник, если есть. Маловероятно. Потому что мало у кого есть достаточно крупный спутник. И вообще, ну хорошо, вам жить надоело, а спутник тут при чём?

Изменение наклона оси. Вопреки распространённому мнению, на вашу жизнь никак не повлияет. Так что меняйте, сколько влезет.

Ну и, наконец, самый изощрённый способ. Подцепить из мирового пространства разум и посадить в жизнь на своей поверхности. Вот здесь смерть вам обеспечена. В кратчай-

шие сроки. Какие-нибудь десять тысяч лет – и разлетитесь на мелкие кусочки.

Минусы. Более мучительной смерти представить себе невозможно. Можете не сомневаться, за эти десять тысяч лет вас перелопатят сверху донизу. Изроют вдоль и поперёк. Вы сами себя не узнаете.

Ну и из явных минусов: где гарантия, что эта зараза не расползётся дальше? Если у вас есть спутник, можете не сомневаться, что эта дрянь окажется на спутнике. И много ещё где.

Так что лучше и не думайте заводить разум, а если надумали – скорёхонько от него избавляйтесь, пока не рвануло.

Из писем читателей:

Был такой период, всё достало, хотела покончить с собой всем назло. Завела разум, кое-как выловила из пространства. Что пришлось пережить, об этом лучше не вспоминать. Страшна не столько боль физическая (хотя и она тоже), сколько душевная, граничащая с безумием.

Еле успела одуматься, сдвинула полюса, избавилась от этой заразы. Потом ещё долго приходила в себя, восстанавливалась буквально с нуля. В жизни ничего такого не повторю. Цените жизнь, пока она у вас есть.

С уважением, Земля

2013 г.

Ордена

Танька дёргает замок шкатулки, раз, другой, третий, чёрт, не поддаётся проклятый замок, ломать придётся. А замок ломать, это последнее дело, это весь дом проснётся, чёрта с два тогда Танька чего-нибудь украдёт...

Ну же...

Давай же...

С лёгким треском открывается шкатулка, йес-с, получилось. Знать бы ещё, проснулся дед от треска или нет, а то, может, уже подскочил проклятуший дед... Он же как когда надо, он ничего не слышит: а, внученька, а повтори, а? А как не надо, так подскочит. Ещё маленькая Танька была, в сахарницу полезет, или там в буфет, где конфеты, тут-то дед на кухню и прётся: внученька, а мама сказала сахар не трожь, а зубы болеть будут...

Чёрт бы его драл...

Танька перебирает блестящие побрякушки со всякими орлами, снопами, серпамимолотами. Дед не хватится, всё равно до девятого мая как до Парижа пешком, осень на дворе...

Таньке же на дело нужно, не просто так, а то, что в школе все люди как люди, а Танька одна как бомжа ходит, в юбчонке задрипанной...

Танька подбирается к двери, тут, главное, улизнуть поти-

хонечку, и на рынок, Танька видела, там орденами торгуют, и деньги за них немаленькие дают. И Таньке денет дадут, хоть оденется по-человечески, утрёт она нос Лариске этой...

– Ты чего, а?

Гром среди ясного неба.

Точно, вот он, в дверях дедовой комнатёнки дед стоит, руки в боки, на Таньку оторопело смотрит, и вот они, у Таньки в руках ордена...

Сейчас бы повиниться Таньке, да какое там, написано же в книжке «Искусство делать деньги» правило первое: никогда не сдавайся. И Танька сдаваться не будет, юркнула на улицу и бежать.

И дед со стены двустволку сдёрнул. Видно, не узнал Таньку, за какую-то чужую девчонку принял, то ли припугнуть решил, то ли что...

Бежит Танька. И прямо машинёшке какой-то под колёса, вот некстати, разъездились тут...

– Ты чего, малява, жить надоело?

Парни на Таньку смотрят. Большие парни, здоровые, бошки бритые. И дед из калитки выходит, прихрамывает... и ордена у Таньки в ладошке, вот они...

– Нехило, малява... это ты где отхватила такие?

Молчит Танька.

– Чего, язык проглотила?

– Пацаны, это за ней, похоже, дедуля гонится...

– Айда, малява, садись уже, довезём... А то выловит тебя

дедок этот, посадят, хрен выйдешь...

– ...ну ты вообще долбанутая, за пятьсот рэ... за такие штуки меньше трёх тыщ вообще не бери, поняла? Всё-то тебя учить надо... ничё, я сам такой был...

Боязно Таньке. И самой странно, отчего боязно. Как-то не так она себе представляла тот день, когда у неё всё будет. Всё-всё-всё. Вот как у Лариски, дуры, и даже больше. Думала, будет на седьмом небе от счастья, видела себя в эту минуту чуть ли не королевой галактики, а всё так простенько оказалось. А парни молодцы, перепродали кому-то ордена втридорога, у Таньки в жизни столько денег не было, ну и парням, конечно, досталось. Накупила Танька всего-всего, и туфельки с позолотой, и джинсы с колечками по всей длине, и юбку-кожанку, и футболочки такие прикольные сейчас есть, там штучки на них всякие нашиты, булавки-подвески, и сумочку со стразами, Лариска, дура, увидит, подохнет от зависти...

И всё равно как-то не так на душе, а что не так, и самой непонятно. А ну да, ещё айфон себе хороший хотела, на айфон уже денег не хватило, вот, блин, такая гора деньжищ была, всё равно кончились...

– Давно промышляешь-то?

Это Артур спрашивает. Он так Таньке представился, Артур, то ли правда Артур, то ли понарошку.

– Да.... Недавно.

– Недавно, это сколько раз на деле была?

– Пе... первый.

– Тю-у, сал-лага... То-то смотрю, зуб на зуб не попадает...

ничего, выучишься...

Танька не понимает, чему ей выучиваться. Танька вообще не согласна, что надо чему-то выучиваться, эти вон, которые на обложках журналов, у них вообще образования хрен да маленько, а гонорары такие, что мамке с папкой с их зарплатой копеечной и не снились.

А Артур этот ничего... с таким бы в школу прийти под ручку, девки все вообще от зависти сдохнут, а Лариска, дура набитая, раз и навсегда заткнётся, пусть только вякнет ещё что...

– А чё у тебя телефон срамной такой?

Это Артур говорит. Вот, блин, и здесь начинается, у парней-то у всех телефоны навороченные, где только взяли, а у Таньки нокиа позорный, он даже эм-эм-эски не отправляет...

– Телефон нормальный хошь?

– Хочу...

– Ну так это дальше надо денежки зарабатывать... орденочки продавать...

– А... где взять?

– Где, где, в Караганде... Адресочек тут один на примете есть... Там этих орденов должно быть, как...

Димка кусает губы. Таньки нет. Её никогда нет, когда она нужна, Димка уже привык. Привык, что приходит в дом, и выйдет на порог дедушка её, Кто-То Батькович, хоть убей, не помнит Димка его имя-отчество, и только руками разведёт, а нету Танюшки, ускакала куда-то, стрекоза... Да счас прибежит, мил человек, а ты отдохни чуток, чайку попей... И садится Димка попить чайку, и спрашивает Кого-То Батьковича, как оно было, когда на Курской дуге, вот так, танки стенка на стенку, и смерти в глаза смотрели, да...

Только тут сегодня другое.

Тут не до чайку.

И ни до кого, и ни до чего...

– Кого-то из близких подозреваете? – спрашивает следователь.

– Да что вы, как можно-то... – старик разводит руками.

– Да всяк можно. Вон, только что с вызова, внуки у деда пенсию умыкнули, на игрушки спустили...

– Да как можно... внученька моя... стрекоза-егоза...

– Мальчишка, говорите, в дом забрался?

– Да то ли мальчишка, то ли девчонка молодая... я и ружьишко со стены снял, так, припугнуть... думал, пенсию унесли, или ещё чего... а тут вот оно что...

– А ведь не первый случай в округе...

Это Димка говорит. Его никто не слышит. Не слушает. Ни Кто-То Батькович, ни следователь.

– Здесь распишитесь... Ну что, Игорь Иванович, мы, ко-

нечно, так-то по рынкам посмотрим, где орденами торгуют, но ничего не обещаем...

– Спасибо, ребяташки... это же что обидно... не деньги же... память...

Димка смотрит, как люди в форме составляют протокол, уходят, растерянно глядит им вслед, ничего не понимает, неужели ничего сделать нельзя, ничего...

– Да тут на стопицот телефонов хватит...

– Тихо ты, идиотина...

– Сам-то...

– Чш, хороши галдеть-то...

Танька смотрит, как Артур перебирает ордена, медали, снимает с подушечки, и по карманам, по карманам. Артур тут за главного, Сизый, чтобы пособить, если что, а Танька на шухере стояла, ну ничего, без шухера обошлось...

Выбираются из обворованного дома – тихонечко-тихонечко, и боязно так, и радостно, а мы чего сделали, а нас никто не засёк, и чувствует себя Танька уже не Танькой в чужом доме, а Ларой Крофт, расхитительницей гробниц. Ей бы ещё пушку какую, только пушку Артур ещё не даёт, говорит, рано...

– Поджигай.

Это новенькое что-то. Пока суд да дело, Сизый дом соломой обложил, бензинчиком сбрызнул.

Боязно Таньке.

– Да ну, на хрена жечь...

– Ты чё? Мы своё взяли? Взяли. Дай и *ему* тоже своё
взять...

– Кому ему?

Танька не понимает.

– А то сама не знаешь, *кому служим*...

Танька не знает. Вспыхивает домик, охваченный пламенем, Танька бежит с остальными к дороге, ну надо, так надо, поджигать, что делать-то. Вот уже кто-то дверь распахнул, выбежал из дома, бежит, ругается, прикольно так... С Артуром вообще не страшно, это когда в одиночку дедовы ордена тырила, страшно было, а так нет...

А это что...

Что-то крадётся там, за хозяином дома, тёмная тень, приближается, принимаивается, прислушивается. Волк? Нет, на волка не похоже, что-то другое, тёмное что-то, то ли живое, то ли просвечивающее насквозь...

Человек на крыльце кричит что-то, щас милицию вызову, всё такое, не видит тёмное нечто за спиной. Тень обрушивается на человека, прибивает к земле, выпускает клыки.

– Чего уставилась?

Это Артур на Таньку орёт.

– Интересно, да?

– А это... это *кто* там?

– А то сама не знаешь.

Танька не знает. Таньке страшно.

– Мы своё взяли, теперь *он своё возьмёт...*

Танька бежит за Артуром, только бы не обернуться, только бы не видеть то, непонятное, а то сейчас как поднимет окровавленную морду, как кинется за Танькой...

Вот теперь Танька заживёт.

Вот теперь. Когда у неё айфон есть, новее некуда, ни у кого нет, у Таньки есть, Танька ещё кулончик себе золотой прикупила, хоть человеком себя почувствовала. Ну и ещё много чего, толком не разобрала даже, ну это дома разберёт. Только надо, чтобы мамка-папка не видели, а то начнут приставать, откуда деньги, откуда... блин, от верблюда...

Совсем уже собралась домой Танька, тут Артур выходит, бледный какой-то, сам не свой, что за чёрт...

– Танюш... там это...

– Чего?

– Он тебя... видеть хочет.

– Кто он?

Артур фыркает.

– А то сама не знаешь...

Танька так и похолодела. *Сам.* Боязно так. Уж к директору в школе ходила, не так страшно было, а тут...

Идёт Танька. К двери, за которую никому заходить не велено.

– Ты чё? Так пошла, что ли?

– А чё?

– А то. В *его* времена, знаешь, девки так не ходили, в сороковых годах, ты уж не пугай старичка... Юбка до библейского места, блин, сиськи еле прикрыты... Чего ты там накупила, платье какое-нибудь надень, бусы там...

Боязно Таньке. В маленьком чёрном платье уже и не Танькой себя чувствует, а не пойми кем. И входит за Артуром в комнату с приспущенными шторами, оглядывается испуганно, вот-вот появится что-нибудь из тёмного угла...

Точно. Появляется. Вот он. Не как на фотках во всяких там учебниках, и не как ночью показался из темноты, а какой-то другой. Истлевший скелет, еле сохранивший человеческие черты. Пахнет от него так... вот так пахло, когда крыса под ванной сдохла, ещё три дня не могли найти, откуда воняет. И палёным чем-то подванивает. Ну да, где-то Танька слышала, тело его на костре сожгли.

И Артур потихоньку делает знаки, мол, терпи да помалкивай, нравится не нравится, спи, моя красавица. И *этот* Таньке руку целует, галантно так. Таньке никто ещё никогда руку не целовал. И говорит что-то. Хрипло так, невнятно, ну ещё бы он внятно говорил, горло у него уже сгнило всё, и на костре обуглилось.

Танька ничего не понимает, у Таньки выше двойки с минусом по немецкому и не было никогда. И Артур опять знаки делает, дескать, что там вообще понимать, киваешь и улыбаешься, и хорош... Главное, не стошниться за чайным столиком от трупного запаха.

Вот рассказать кому, с кем Танька за одним столом сидела, чай пила, не поверят. Девки все подохнут от зависти, так им и надо, Лариске особенно. Да и не расскажешь, а то потом то же самое в дурке рассказывать будешь...

...отморозки забрали ордена и подожгли дом ветерана...

Димка читает. Перечитывает. Сжимает кулаки. Что-то происходит в городке, что-то доселе невиданное. Будто какая-то тьма вырвалась на волю. И представляет себе Димка, как полицейские в очередной раз разводят руками, ну, мы, конечно, преступников поищем... но только вряд ли что-то найдём...

Хочется поговорить с кем-то, что в городе творится. С Танькой... Да что с Танькой, с Танькой как про серьёзное что-нибудь заговоришь, у неё глаза делаются стеклянные-стеклянные, как бусины, хоть сейчас на нитку нанизывай.

Да и что он теперь Таньке скажет, как он Таньке в глаза смотреть будет. А уж деду её и подавно. Верно дед говорил, и не денег жалко, а памяти жалко...

Что-то происходит в городке. Как будто тёмное что-то вырвалось откуда-то из темноты. Долго таилось, долго ждало своего часа, и вот, выбралось потихонечку, под шумок, в лихие годы, когда людям было ни до кого и ни до чего, и ни до самих себя. Знать бы ещё, где это тёмное прячется, что оно уже и стариков не боится, и крадётсь в дома, где ордена...

Так Димка думает.

Идёт через дохленький лесок, зря пошёл, тут и днём ходить как-то нехорошо, а ночью так и вовсе не по себе делается. Шепотки, шепоточки, шепоточечки, шорохи какие-то по кустам, по кустам. Сейчас вылезет какая-нибудь косматая харя, м-мил чел-лек, сто р-рублей не будет...

Нет, тут другое. Запашок смерти. Запашок чего-то отжившего, истлевшего. Какие-то тени за деревьями, недобрые тени, темнее самой ночи.

Спешит Димка.

Надо что-то делать.

Только сначала выбраться отсюда. И скорее.

Тени обступают, вот уже видны истлевшие скелеты в солдатской форме, скалят тёмные черепа. И нужно бежать, и не бежится, ноги будто приросли к земле, шар земной качается под ногами...

– Чего? Чай, небо с овчинку показалось? – хрипло спрашивает скелет.

– Ага-а...

– А не бойсь... чего дрожишь, озяб?

– Есть маленько.

– Так посиди, погрейся у костерка, ночь-то холодная...

Что у вас за одёжа, на рыбьем меху, срам один...

Земля качается у Димки под ногами.

– А... вы кто?

– Меня Андреем зовут, – к Димке тянется истлевшая ру-

ка, – это вон Лешка, вон Илья...

Димка смотрит на истлевшую пилотку со звездой. Начинает догадываться. Нет. Быть не может. Немыслимо.

– Задумался, сам не понял, как на могилку набрёл?

– А-а... из-звините. Правда, задумался.

– Да уж извиним... мы уж любим, когда к нам народ хаживает... Старичок тут один ходил, Матвей Иваныч, сейчас запропал куда-то...

Димка глотает слюну.

– Уб-били... его.

– Кто убил? Война, вроде, уже шестьдесят лет как того...

– Да... отморозки какие-то ордена крадут.

– А-а, этот опять... – кивает Андрей.

– Кто этот?

– А то сам не знаешь... этот и есть... Как ни гоняй, а где-нибудь да и вылезет... Ну что, парни, оружие к бою... ночь сегодня весёлая будет...

Боязно Таньке.

Вот уж, казалось бы, сколько раз на дело ходила, а всё боязно. Нет, в красивых фильмах всё не так бывает, там супергероиня в облегающем костюме врывается в дом, стреляет с обеих рук, охранники какого-нибудь банка в панике разбегаются, героиня добивает главу охраны ногой по шее...

А тут всё не так.

Страшно тут.

А что страшно, сама виновата, сама напросилась, это Артур, идиотище, всё над Танькой посмеивался, малява, малява, вот Танька и кинулась доказывать, что не малява она никакая, в одиночку в дом чужой заберётся, ордена вынесет...

А сейчас боязно.

Какая там Лара Крофт...

Забирается Танька на подоконник, теперь, главное, вниз прыгнуть потихонечку, мешок с орденами к себе прижимает...

– Тебе чего, девочка?

Оборачивается Танька, смотрит на хозяина с хозяйкой, муж и жена, одна сатана, проснулись-таки, черти...

Прыгает Танька, падает оземь, больно так, ордена-медали по траве рассыпаются...

– Девочка!

И некогда подбирать, ничего некогда, чиркает Танька спичкой, бросает в солому, политую бензином.

Ревёт пламя. Бежит Танька к забору, теперь бы ещё через забор перелезть, вот что сложно ещё...

Тёмные тени появляются из темноты ночи, радостно ёкает сердце, вот и Артур на подмогу... Нет, не Артур, истлевшие скелеты в истлевших пилотках с красными звёздами, бросаются к дому, сбивают ревущее пламя. Из темноты вываливается ещё кто-то, замирает возле Таньки.

– Танька? Ты?

Танька узнаёт голос, сама не поняла, как узнала, сквозь

грохот бьющегося сердца, сквозь рёв пламени, которое уже сбивали парни там, там...

– Тань... ты чего?

Димка идёт к ней, не понимает, не верит, как Танька, почему Танька, откуда Танька, вот так, здесь...

– Ты чего?

Танька и сама не понимает, она чего. а чем она хуже, у всех в классе шмотки как шмотки, у Таньки оторви и брось, придёт в школу в юбчонке задрипанной, и Лариска, дура, хочет, бомжа пришла...

А дедам на хрена ордена эти...

Танька бежит – через палисадник, через невысокий забор, и дальше, к шоссе, пока не поймали, не наподдали, вон там уже синие мигалки мигают, ой-ой-ой, лови-лови-лови...

Танька бежит к шоссе, быстро-быстро мелькают Танькины кроссовки...

– Та-а-ань!

Зовёт... ёкает что-то в сердце, зовёт, как тогда, на пляже, Та-ань, и Таньку хватает, обнимает, целует, ну как в кино...

Нет, нет...

Танька бежит к шоссе, вспыхивают вдалеке фары, Танька отчаянно машет рукой, подберите, увезите отсюда. Тормозит что-то причудливое, будто сошедшее с экрана старого-старого фильма, на таких машинах давным-давно ездили... У Таньки по истории выше двойки не было, и то помнит, были такие машины... в фильмах о войне...

Распахивается дверца, кто-то галантно подаёт Таньке руку, вот она уже не Танькой задрипанной себя чувствует, а какой-нибудь кинозвездой немого кино...

Танька садится в машину, рядом на сиденье чернеет что-то полусгнившее, смрадное, Танька не знает, но догадывается, кто. Лихорадочно припоминает какие-то приветствия, как там положено руку вскинуть... Нечто полусгнившее хлопчет, отставить, отставить, что-то говорит: резко, торопливо, страстно, Танька ни слова не понимает, по немецкому тоже выше двойки никогда не было. Да оно и неважно. Кивает и улыбается, тут, главное, молчи и слушай.

Вот теперь заживёт Танька. Как в кино. Не как в России этой задрипанной, в медвежьем углу, а как люди живут, будет ходить в маленьком чёрном платье с ниткой жемчуга, ездить на мерсах, это же у них Мерседес, да? *Нечто* полусгнившее прислушивается, узнаёт знакомое слово, кивает с гордостью, Мерседес, Мерседес...

Тянутся к Таньке гнилые челюсти...

– Блин, до города дотерпеть не судьба?

– Мне лопнуть прикажешь, или как?

– Ну, давай по-быстрому... в лес...

– Чёрт, это ещё что...

– Чего там?

– Эй, девушка!

– Оставь её, пьяная какая-нибудь...

– Да не... ты гляди... ловко горло прокусили...

Два человека смотрят на девушку у обочины, Танька лежит, смотрит в небо мёртвыми глазами, а как же Мерседес, а как же маленькое чёрное платье, а как же нитка жемчуга, а...

2013 г.

Песня Дома, песня Очага

Выходили поутру из дома – все, разом. Кланялись дому – за ночлег, за огонь очага, за тепло, собравшее нас под одной крышей.

Расходились кто куда, через лес, окружавший дом. Кто в кузницу, кто на пристань, кто в поле, кто в лес, кто по дрова. Начинался новый день, и мы старались взять у нового дня всё, выжать из него каждую секунду, провести с пользой, успеть – до ночи.

День просыпался. Разгорался. Клонился к вечеру. Мы возвращались к дому, спешили, что было сил, чтобы успеть дотемна, добраться до дома. Возвращались, загоняли домой детей, домой, домой, какое играть, хотите, чтобы вас звери слопали? Перекрикивались, перекликивались, все ли тут, все ли вернулись, все ли на месте, никто ли не остался в тёмном лесу.

Закрывали двери дома – от холодных ветров, от тёмного неба, от тёмного леса, стремительно облетающего вечером, от колючего снега, летящего со студёных небес. Разводили в очаге огонь – отогнать зимнюю стужу, жарили на огне молодых куропаток, пекли хлеб, устраивались за общим столом. Боязливо смотрели за окна, в темноту ночи, где подкрадывались к дому из тёмного леса ночные звери.

Ночные звери... никто не знал, откуда они приходили, и куда исчезали с первыми лучами солнца. Когда молодые спрашивали у стариков, последние делали умные лица: дайте подумать, да, слышали что-то такое, где-то когда-то, какие-то легенды есть... нет, запомняли.

Сидели за общим столом.

Пели песню Дома, песню Очага.

Звери подходили к самым окнам, смотрели в дом горящими глазами, бесшумными серыми тенями скользили в темноте ночи. Матери показывали детям на улицу, во-от, убежишь ночью из дома, сцапают тебя, не воротишься...

Иногда – очень-очень редко – кто-нибудь поздно вечером не успевал вернуться в дом. Его ждали до последнего, до темна, до первого снега, потом крестились, закрывали двери дома. Наутро кто-нибудь находил на лесной опушке обглоданные кости – справляли панихиду, били в колокол.

Наутро снова выходили из дома, с первыми лучами солнца, с первыми проталинками, с первыми подснежниками, расходились по лесу, кто в кузницу, кто на пристань, кто на мельницу, кто в поле. Распускались листья на деревьях, пробивались цветы.

Начинался новый день.

Иногда – долгими холодными вечерами – тихонько спрашивали друг у друга: есть ли в мире что-нибудь кроме на-

шего Дома и леса вокруг. Старики рассказывали, что земля наша круглая, на одной стороне земли стоит дом, на другой темнеет чаща, в которой прячутся звери. Говорили про какие-то дальние земли, дальние берега, куда если пешком идти, ни за что не дойдёшь, это только если по воздуху полететь, можно добраться. Только крылья надо смастерить по-лучше, а не как Игнат в прошлом году, с башни прыгнул на крыльях, расшибся, еле выходили. А на лодке до такого мира можно добраться? Тю-ю, куда там... а на лошади доскакать? Да говорю вам, никак нельзя, только на крыльях...

Дымился жареный барашек.

Потрескивал огонь в очаге.

Праздновали весёлую помолвку.

Анна с Игнатом венчались. С тем самым Игнатом, который на крыльях с колокольни упал.

И что она нашла в этом Игнате: ни рожи, ни кожи. Она в его сторону и не смотрела до поры до времени, пока он с колокольни не навернулся. Анна всю жизнь на меня смотрела, да было на что смотреть: кто самый удачливый рыбак в округе? – я; у кого самая быстрая лодка? – у меня же; на кого заглядываются все девушки в доме? – догадайтесь с трёх раз. И с кем Анна целовалась на опушке леса? Со мной, а если не верите, у соловья спросите, он вам подтвердит, он видел.

А тут нате вам – Игнат. Как Игнат, почему Игнат; вот потому и Игнат, что в прошлом году додумался, на колокольню

поднялся, крылышки расправил...

Делал вид, что ничего не происходит, улыбался, пил за здоровье молодых, счастья вам, да чёрт бы драл вас обоих...

Пили вино.

Пели песню Дома, песню Очага.

Дождался, пока все уйдут ближе к очагу, когда ближе к полуночи лили воск, гадали на будущее, какой завтрашний день будет, урожайный или голодный, солнечный или пасмурный.

Вот тогда-то я и подобрался к столу, к столовому прибору Игната, бросил в вино белый кристаллик, от которого сердце человека останавливалось раз и навсегда.

И надо же было случиться, что в эту минуту дрогнула свеча в руке Игната, вылился воск причудливым черепом, застыл в чаше с водой. Дрогнуло сердце Анны, обернулась она, бросилась в комнату к столу, увидела, как я бросаю кристаллик.

Не знаю, что нашло на меня в эту минуту. Больше всего боялся, что Анна закричит, позовёт на помощь. Не помню, как схватил со стола нож, не помню, как...

Помню, как стоял над телом Анны, как все остальные – сколько нас было в доме – стояли вокруг, смотрели на меня.

Кто-то наклонился над Анной, коснулся жилки, которая не билась, сказал:

– Мертва.

Я ждал, что они сделают со мной. За окнами пробивался рассвет, начинался новый день, но не бил звонарь на башне в колокола, не трубил рожок пастуха, не вертелись юркие крылья мельниц.

Все стояли и смотрели на меня.

А потом как-то разом показали мне на дверь.

Когда я уходил из дома, я ещё не верил, что они поступят так. Я ждал, что меня казнят. Что меня посадят под замок. Но это... я ещё думал, что люди в доме хотят припугнуть меня. Проучить меня. Я ещё думал так, когда вернулся к дому вечером, с богатым уловом – но стражник у входа скрестил руки на груди и строго покачал головой.

Наступала ночь.

Я укрылся на заброшенной мельнице, развёл огонь, чтобы разогнать подступающую темноту и холод. Я ждал чего-то – сам не знаю, чего.

В темноте леса показались недобрые огоньки, звери подбирались к мельнице – ближе, ближе. Огонь не пугал их, они смотрели в пламя – не мигая, принюхивались, чужая дух человечины. Помню, ещё пытался отбиться от них железным ломиком, когда...

Когда...

Что-то происходило со мной, я не мог удержать в руках железный лом, у меня уже не было рук, пальцы мои превра-

щались в длинные когти, я уже не мог стоять на двух ногах, опустился на четвереньки, чувствуя, как моё тело покрывается шерстью...

Вожак подобрался ко мне, придиричиво обнюхал, сделал какой-то знак следовать за ним, в темноту ночи...

Путник ещё пытался отбиться от нас – Вострозуб кинулся на него, выбил весло из слабых человеческих рук, привычным жестом перекусил глотку. Мы набросились на мясо – изголодались холодной ночью, мельком я заглянул в лицо убитого, оно показалось мне знакомым, только я не мог вспомнить, где я его видел.

Утолив голод, мы расположились на заснеженном холме, Желтоглаз запел вечную песнь Ночи и Зимы, и мы подхватили его мелодию.

Жарким днём отсыпались в темноте логова, тихонько перешёптывались друг с другом, есть ли что-то там, за пределами нашего леса. Да ничего нет, на одной стороне земли наше логово, на другой стороне земли, за лесом – дом стоит, там люди ночью прячутся. А больше и нет ничего...

– Ма-ма-а!

Я прислушался. Кричали где-то рядом, совсем рядом, кричал ребёнок, этот крик показался мне знакомым, но я не мог вспомнить, что он значит. Стая была в стороне – затра-

вили молодого оленя в тёмной чаще – я хотел позвать своих, но передумал, слишком уж мелкая добыча ребёнок.

Я нашёл его без труда, это оказался мальчик сколько-то там лет, не знаю, сколько, не разбираюсь в годах. Он смотрел на меня – как мне показалось, без страха, кажется, он вообще не понимал, что я такое...

– А до-мой... хочу...

Домой... что-то ожило в памяти, тут же снова опустилось куда-то в прошлое, в воспоминания, в сны.

Домой... я вспомнил яркие огни на холме, где по ночам прятались люди, я почувствовал, что нужно идти туда. Я направился к дому, махнул хвостом, приглашая мальчика идти за мной следом.

– До-мой? – спросил он.

Я кивнул. Кажется, он не понял меня.

– До-мой? – повторил он.

– Да... ма-а-а-ай... – я еле-еле выговорил это слово, я уже и забыл, что значит – слово.

Огни на холме приближались, я смотрел на них, мне было страшно, как бывало всегда, когда я приближался к чему-то неведомому, например, к большим скорлупам, которые качались на волнах реки, или к коробу с четырьмя скрипучими крыльями на вершине. И в то же время я шёл к дому – и меня охватывало сладостное чувство, очень непривычное, давно забытое.

Мы подобрались к дому, я видел освещённые окна, я ви-

дел людей там, в комнатах, чудные твари на двух лапах, жгли огонь над чашей с водой. Пели песню Дома, песню Очага.

Я постучал в дверь.

Ни на что не надеясь, я постучал в дверь.

Дверь не открывали. Я и не ждал, что её откроют, – где это видано, чтобы люди открывали двери посреди ночи. Мальчик захныкал, сначала неуверенно, потом всё громче.

Я снова постучал в дверь, ни на что не надеясь. Дверь распахнулась, на пороге стоял человек с ружьём, я никогда не видел ружья, догадался, что это оно, а потом человек вскинул ружьё, и...

Я вспомнил, что нужно делать. Вспомнил – из каких-то прошлых жизней: встал на задние лапы, поднял передние лапы вверх.

Что-то произошло со мной, я смотрел, как мои когти вытягивались в пальцы, длинные, тонкие, как шерсть сползает с меня, клочьями, клочьями...

...вернулся под вечер с богатым уловом, Игнат помог мне занести в Дом полные корзины рыбы. Пока ещё не собрались все в Доме, мы разложили рыбу жариться в очаге, разлили по бокалам вино, посидели, помолчали, помянули Анну. Мало-помалу начали собираться остальные обитатель Дома, за окнами быстро темнело.

Пели песню Дома, песню Очага.

Развели огонь пожарче, нажарили рыбы, напекли хлебов,

расселись за столом, покрепче закрыли двери на засов, чтобы не пробрались звери из леса.

Звери из леса...

Звери...

Что-то я вспоминал про них, не мог вспомнить: что именно.

И мои домочадцы ахнули, когда я отодвинул засов и вышел в темноту ночи.

Звери обступили меня, я видел в их глазах лютый голод и лютую злобу, но видел я и ещё кое-что, они смотрели на меня, на человека, будто вспоминали что-то...

Я запел песню Дома, песню Очага, ночные звери замерли, думая, то ли подхватить мою песню, то ли наброситься на меня...

Подхватить песню Дома, песню Очага.

2013 г.

0,01 %

...в этом месяце наши исследователи провели социальный опрос, какое время, по вашему мнению, является самым лучшим в истории. Вот что показали результаты опроса (по данным ЩХЖЪФЫЦЬХ)

23 % опрошенных считают, что самое лучшее время было от появления Земли, как планеты, до застывания земной коры. В те времена ещё не было материальных тел, каждый жил как хочет и где хочет.

...и была земля тёмная и неустроенная, и Дух Божий носился над ней...

11 % опрошенных считает, что лучшим временем на земле было время, когда в глубине океана зародилась жизнь, но ещё не вышла на сушу. В наше время даже появилось общественное движение «Золотой Век»: подвижники опускаются на дно океана, строят подводные города.

25 % опрошенных считают, что по-настоящему Золотым веком на земле было время гигантских ящеров. Лично я придерживаюсь того же мнения – безмятежный расцвет жизни, не омрачённый войнами и техническими революциями.

34 % опрошенных полагают, что лучшее время на нашей планете – это эпоха господства микрочипов и печатных плат, электромагнитного интеллекта и стальных машин. Такой высокий процент связан ещё с тем, что большинство опрошенных сами были созданы в это время.

7% полагают, что лучшее время на нашей планете – это Последние Века, время всеобщего коллапса и вымирания, когда всё больше граждан оставляет свои материальные оболочки и уходит в свободный эфир, чтобы носиться по космосу. Многие эксперты полагают, что после гибели нашей планеты нас ждут довольно тяжёлые испытания, перед которыми Последние Века действительно покажутся Золотым Веком.

Ну и около 0,01 % опрошенных полагают, что лучшее время на планете – это Тёмные Века, со времён гибели последних мамонтов и до воцарения искусственного интеллекта. На вопрос, почему они так считают, опрошенные говорят, что полагают так, потому что про эти времена никто ничего не знает, а значит, по крайней мере, про эту эпоху мы не можем вспомнить ничего плохого.

2013 г.

Только сегодня

Ну не хотел же я дверь открывать, не хотел, ну какого чёрта открыл... нет, нате вам, распахнул настежь, заходите, гости дорогие, сейчас эти гости дорогие меня топориком по голове и огреют.

– Утро доброе...

– Утро добрым не бывает.

– Хозяин... вы будете?

– Не буду, а есть.

– Вас уже предупреждали?

Холодеет спина, ещё не хватало, сейчас объявят какую-нибудь воздушную тревогу, или дом в аварийном состоянии, готовьтесь к выселению...

– Н-нет...

– А, ну так мы вам сообщаем, что с первого по пятнадцатое у нас акция: продай душу дьяволу, получи бонусом двадцать лет счастливой жизни.

– Это как... бонусом?

– Ну вот смотрите, вы сколько проживёте, лет восемьдесят.

– Да где мне...

– Да ну, такой крепкий парень... А вот, с нашей бонусной программой ещё двадцать лет сверх того проживёте, что, плохо, что ли?

– Да ну, куда мне столько...

Чего ради я вообще с ним что-то обсуждаю, гнать его, с лестницы спустить, с глаз долой, из сердца вон.

– Кроме того, в этом году у нас действует акция, продай душу дьяволу, получи квартиру, здесь и сейчас. Вы понимаете, вам не надо будет ждать очереди на квартиру, или что у вас там сейчас, ипотека...

– Не к ночи будь помянута, – добавляю я.

Кажется, он меня не понимает. Да мне и не надо.

– Имейте в виду, повторно такой акции не будет, единственный шанс.

– Вы то же самое в прошлом году говорили. И в позапрошлом.

– Правда?

Вот это мне у них нравится. Умеют врать, не краснея. Мне бы у них поучиться, я бы эти тойоты клиентам только так впаривал.

– Можете с договором ознакомиться, и подпишете заодно... – не унимается гость.

– Нет, нет, – отодвигаю от себя договор, – ни в коем случае.

– Не верите? А вы послушайте, что пишут про нас наши клиенты... Вот, пожалуйста, пенсионерка Кудыкина из Ухтомска, перебивалась на нищенскую пенсию, не хватало денег на лекарства... однажды в дом постучался дьявол, предложил продать душу... А тут как раз в очередной раз

цены взлетели, психанула, подписала договор. Теперь живу в собственном доме с прислугой, в прошлом году ездила отдыхать в Болгарию...

Киваю. Шёл бы ты уже...

– Или вот, пожалуйста, Алексей Инкин, инвалид детства, паралич обеих ног, в двадцать лет продал душу дьяволу, после чего его жизнь круто изменилась... сейчас чемпион мира по прыжкам в высоту...

Демонстративно открываю дверь.

– Всего хорошего.

– Вас что-то смущает?

– Всё-то смущает.

– Нет, правда... что именно вам не нравится?

– Всё не нравится.

– Не понимаю... вы ведь можете мне конкретно сказать, что именно вас смущает. Вас в детстве запугали перспективой адских мук?

– Нет.

– Тогда почему же...

– Нет и всё.

– Постойте, – он молитвенно складывает руки, – мы предлагаем вам уникальный шанс... только сегодня... только сейчас... вы продаёте душу дьяволу, мы исполняем любое ваше желание... безвозмездно...

Ёкает сердце. Это уже слишком. Вспоминаю её глаза, как она кружится в танце с этим дебилоидом... в свадебном тан-

це...

– Пшёл вон отсюда! – сдёргиваю со стены распятие, тычу в поросячью мордочку, что-то я разошёлся, как бы не покалечить, отвечать потом за него, – пшёл, пшёл!

Он скатывается с лестницы, бряцая копытами, в сердцах хлопаю дверь. Колочу кулаками в стену в бессильной злобе.

Упустил...

В который раз – упустил...

Что именно вас смущает...

То и смущает.

Продать душу...

Легко сказать, когда продавать нечего...

Вспоминаю выцветшие глаза священника: что я могу сказать тебе, сын мой, нет у тебя души...

Смотрю, как он идёт по улице, хвост с кисточкой волочится в дорожной пыли. Смотрю на его сумку, куда он собирает души, подозрительно пустую. Кажется, не везёт ему последнее время...

Не везёт...

2013 г.

Цикл

Чёрт, опоздал...

Ну, не опоздал ещё, конечно... Но припаздываю. Цикл уже начался, я ещё только очнулся, только выцапал своё сознание откуда-то из ниоткуда.

А столько нужно сделать, столько сделать... падаю – в вязкую глину, барахтаюсь в болотце, из земли, из грязи, из мусора леплю самого себя. Здесь нет богов, которые заботливо сотворят тебя из глины, изволь сам, лепи, как хочешь...

Леплю. Атом к атому, молекулу к молекуле, протоплазму к протоплазме, барахтаюсь в волнах, хватаю каких-то менее удачливых собратьев.

Спешу. И так опаздываю. Выпускаю плавники, прижимаюсь ко дну моря, чтобы волны не унесли, что там дальше-то... Вспоминаю. Трудная это штука, вспоминать то, что было не с тобой, а куда денешься... Было что-то – какие-то кораллы, губки, медузы, горгоны, только не до того мне сейчас, и так опаздываю...

Кое-как отращиваю позвоночник, ничего, сгодится, выпускаю плавники, извиваюсь в волнах. Суша, суша... где эта проклятая суша... Не может быть, чтобы не было, была же...

Натыкаюсь на какую-то отмель, не то, сильно мелкая... Вот это получше будет... Нет, тоже не то... Кто-то большой и сильный чуть не хватает меня, мам-ма миа, неужели кто-

то меня опередил... нет, осьминожище, ему до меня, как до Парижа пешком...

Париж... это что... ладно, Париж дальше будет, разберёмся...

Не выбираюсь на берег – волны бросают меня, ч-чёрт, больно, песок царапает тело, колючий воздух разрывает жабры... Назад... какое назад, Цикл-то меня ждать не будет, когда я вперёд-назад набегаюсь...

Спешу. Ползу. Вот так, преодолевая боль, ползу, вспомнить бы ещё, что дальше... Ну да, не ползти надо, не ползти, как-то иначе перемещаться надо... Неуклюже поднимаюсь на четыре плавника, вроде так... раз... два... три...

Цикл обрывается – так же внезапно, как начался. Натё вам... это... новенькое что-то... Я, конечно, знаю, что тут меня никто не ждёт, но чтобы настолько...

Нет, похоже, без всех этих не обойтись... без медуз... осьминогов... и эти, которые первые на сушу выползают... а вот, пауки...

Оживаю.

На этот раз спешу, пробуждаю своё сознание ещё до того, как начался Цикл, вижу землю, мёртвую и неустроенную, только что Дух Божий над ней не носится... Мало-помалу схлынуло небытие, обнажается земля, океан, снова начинаю выстраивать самого себя – из глины, из воды, из магмы...

Кажется, так... хотя кто его знает... Плыву – медлен-

но, не торопясь, сколько всего сделать нужно в океане, отпочковаться кораллами, распустить щупы, загнеститься на дне, расправить зонтики, расползтись присосками, а там уже можно и позвоночник наращивать...

Тьфу, стоп машина, какой позвоночник, сначала выпускаю восемь лапок, цоп-цоп-цоп, на сушу, набрасываю тенёта паутины на скалы... жду добычу...

Три тени от паутинки ползут по песку, обгоняя друг друга, третье солнце зашло за тучу, осталось две тени.

Некогда любоваться... хотя и есть чем, вон, хвощи-плауны полезли, вон пальмы – по три тени от каждой, вот что-то перепончатокрылое неумело становится на крыло, роняет на уснувшую чашу пять теней – по числу лун, три тени поменьше, поярче, одна побольше, одна огромная, расплывчатая, вздрагивают, выскакивают из-под неё мелкие зверушки.

Зверушки...

Так, надо что-то с этими зверушками делать... а что с ними делать, расселись по веткам, снуют, верещат, нет, с такими каши не сваришь. Вживляю своё сознание – в одного, в другого, в третьего... Не то...

Думай, думай... а некогда думать, цикл идёт, цикл меня ждать не будет... медленно-медленно отступают леса – выгорают под палящими солнцами, и как тут прикажешь в степи выживать... спускаюсь на землю, шарюсь в траве, что тут найдётся покушать... Что-то полосатое, хвостатое вырывается из чащи, передними лапами хватаю подвернувшуюся пал-

ку...

Кончается цикл, не век же ему быть... Времени-то от рас-
света до заката, а все три солнца уже сели...

...хватаю подвернувшуюся палку, тычу – в оскаленную
пасть.

Это уже другой цикл, следующий, новая жизнь, сколько у
меня их, этих жизней. Спешу, спешу, вымученно смотрю на
палку, что-то, что-то... Начинаю рыть землю, не то... вты-
каю в землю... Ближко, ближко, горячо, горячо... Рисую на
песке палочку, две, три... Треугольник... Квадрат гипотену-
зы... равен сумме двух...

Память, память... Выцарапываю из памяти синусы, тан-
генсы... Это трудно, вытаскивать из памяти то, чего там нет,
а надо спешить, цикл меня ждать не будет. Нахлынет, про-
катится – мощной волной, сметёт всё, что было создано, что
выросло, пробилось к солнцам, вылезло из океана, выпусти-
ло ложноножки, щупики, крылышки... Видел я, как идёт
цикл, прозрачной стеной, колышется, надвигается, и в прах
рассыпаются под ним мои хижинки, мельнички, фабрички,
флотилия... Здорово я струхнул, когда первый раз вот так...
исчезло всё, всё, что строил, что создавал, что выращивал, я
уж думал – всё, конец...

Первый раз...

Когда это было...

Не помню...

Спешу. Колесо, колесо, главное, колесо сделать, а где колесо, там и повозка, а где колесо, там и мельничка, и прялка...

Металл нужен, вот что, металл... Только где его взять прикажете... да как где, в земле, где ему ещё быть-то... Хотя – зачем в земле, вот же, есть, стоит на берегу океана ржа какая-то, убитая временем, когда-то стальной цилиндр, уткнувшийся в небо. Иду к нему, ещё думаю, как бы выискать там что-нибудь, что ещё не до конца проржавело, истлело, рассыпалось – что-то как будто обрывается внутри меня, нельзя.

Ржавый цилиндр трогать – нельзя.

Спешу. Рою землю, глубоко, глубоко, помню же, что-то там должно быть в земле... камни, песок... черепа, кости... не то... Натыкаюсь на что-то чёрное, блестящее, спохватываюсь: антрацит...

Спешить надо. Вроде и дом уже себе выстроил, и мельницу, и ковры дома постелил, и много чего, а всё не то, не то, мало... Выжимаю память – как губку, что-то ещё было, что-то... вот скажите мне, я скажу... Смотрю на ржавый цилиндр, уткнувшийся в небо, вот что-то с ним связано, что-то...

Накатывает цикл – быстро, безжалостно, вот она, идёт прозрачная волна, колышется воздух, дрожит... В прах рассыпаются леса, рушится мельничка, дом мой, дом, да что дом, сам я уже... а-а, помню, ещё надо было автомо...

...биль. Вспомнил – оттуда, из предыдущего цикла, на этом цикл и оборвался... Ну да. И обидно так, до слёз, до тошноты обидно, опять всё начинать сначала, лепить себя – из глины, из грязи, из пены морской, выпускать ложноножки, щупики, тянуться к солнцам, рыть землю, рисовать квадрат гипотенузы и сумму квадратов катетов, строить мельничку... Там и до автомобиля худо-бедно доскреблись... насилу вспомнил, насилу сообразил, миновал все эти допотопные трюхалки первых моделей, сразу сварганил форд фокус... И глинобитные хижины некогда мне строить, сразу забабаяю себе высотку с пентхаузом, и... Хотя, может, зря я так, вот тоже, где-то там всяких медуз-горгон пропустил, так толком на сушу не выбрался...

Вижу сны. Спать-то мне некогда, поэтому вижу сны так, наяву, ворочаю подъёмным краном, собираю мегаполис – и смотрю сны. Я бы их вообще не смотрел, и поважнее дела есть, да бывает, в снах вижу что-то... без чего никак. Те же химические элементы. Или ещё что такое... важное...

Вижу сны – из каких-то предыдущих циклов, далёких-далёких, вижу города, большие, шумящие, хорошо я тогда развернулся, вижу ревушие в небе самолёты, вижу стальные цилиндры, стоят, уткнувшись в небо, что-то важное с этими цилиндрами связано... что-то... скажите мне, я скажу... Вижу – блестящие витрины, м-мама миа, вот же до чего так и не додумался, я не сделал пе-ка. Как расшифровывать – не

помню, здесь главное – пе-ка, клавиши и экран, и тетрис, и три-дэ, и варкрафт...

И тут уже – ни до кого, ни до чего, идёт цикл, спешит, и опускаю рычаги, и замирает кран, и смотрю сны...

Как его... ай... ай... айпад. Да. Айпад. И ай... ай... скажите мне, я скажу... айфен. Что-то в этом роде. Ещё что там в городе... смотрю – на панорамы высоток, почему-то от них падает одна тень, не три, не пять – одна. А чего это я до сих пор по лестнице пешком туда-сюда хожу, лифт не судьба построить... Что ещё... неоновые рекламы...

Слишком глубоко заглянул я в сны, всё, и не вырваться, держат меня, крепенько. Бред какой-то наваливается, и не отбиться от этого бреда, не уйти... Семь тридцать, полёт нормальный... давление... вижу землю... звёздное небо летит кувырком – само на себя. Потеряна связь... что за связь, какая связь... кстати, сотовую связь надо выдумать... корабль падает на незнакомую планету, какой корабль, корабли, они же по морям, по волнам плавают, а не по космосу...

Цикл завершается. Всё правильно, не вечно же ему быть. И так много успел, очень много, вот что значит – вспомнить память, удался цикл, удался.

Не всё...

Ну понятно, что не всё это, не всё, что такое айпад семёрка, наверное, в циклах до меня и восьмые модели были, и девятые, и какие хочешь... И эти, расширение... тоже ведь

не предел...

Было же что-то... Если бы всё сделал, не было бы этого чувства проклятого: забыл что-то, забыл, недовыдумал, недовысрадал, недостроил... а чёрт пойми... в квартирах джакузи поставить... или... вот, с телепортацией поработать надо было, чтобы товары в Инете заказал, и они к тебе на дом пришли...

Мысли путаются... цикл умирает...

Нет, не то...

Что-то... Что-то, для чего всё это, это... вот вертится в памяти, а никак... Как посмотрю на ржавчину эту, которая на берегу стоит, так ёкает что-то в сердце... Цилиндр такой ржавый, и буквы на нём РОСК...ОС, что за раскос такой...

Не помню...

Цикл умирает, катится волна, сжимаю память в комок, чтобы не умереть с циклом...

Успеется...

Даёшь восьмую модель...

2013 г.

Анатомия города

...не на всех землях живут тени и камни, есть во вселенной уникальные образования. Например, мне лично доводилось наблюдать землю, на которой живут города.

Города бывают разные, большие и маленькие, есть и вовсе крохотные городишечки. Город живёт на земле, чаще всего на равнинах, очень редко поднимается высоко в горы. Летать город не может, мешает притяжение земли. Мне доводилось видеть один плавучий город, но это скорее исключение, нежели правило.

Города, в основном, образуются в устьях рек и по берегам морей, ведут оседлый образ жизни, как примитивные животные. Возможно, на более высокой ступени развития города научатся передвигаться. Лет так через полтысячи, не раньше. Сейчас это простые твари, обладающие зачатками сознания.

Город растёт всю свою жизнь, сколько живёт. Рост города не подчиняется какой-то форме, ограничивается только естественными преградами (море, скалы). Если на пути города встречается город поменьше, большой город глотает его целиком. Что странно, маленький городок даже в минуты опасности не старается убежать, более того – какая-то сила как будто притягивает его к большому городу.

Иногда рост города замедляется, а то и вовсе город умень-

шается в размерах, уходит от окраин к центру. Это смерть города. Мне доводилось видеть умирающие и даже мёртвые города – от них на поверхности земли остаются причудливые скелеты, которые медленно разрушаются. (см. фото).

Но если город рассыпался в прах, не всегда значит, что он умер. Бывает, что город просто уснул (см. анабиоз). Через много веков, или даже тысяч лет, на том же месте вырастет новый город. Сначала я думал, что старый город пустил ростки, но никаких ростков я не обнаружил.

Мистика?

Нечто необъяснимое?

Только годы и годы спустя я догадался, в чём дело. Душа города не покинула планету, не ушла на спутник планеты, где души городов устроили себе пристанище. И много веков спустя душа снова нарастила на себя плоть.

На более поздних стадиях развития несколько городов могут объединяться в один (переход от одnogородности к многогородности). Мне доводилось наблюдать такое объединение городов Европы: Парижа, Лондона, Мадрида, Берлина, Праги, Варшавы... когда объединяются трёхмерные города, на их месте появляется четырёхмерный, живущий в нескольких мирах.

Однако не всегда объединение городов проходит гладко. Если у одного города заряд положительный, а у другого – отрицательный, то два города при встрече аннигилируют с огромным выбросом энергии. Так, например, произошло

при попытке объединения Петербурга и Москвы в районе Твери. Выжженная земля на месте Тверской воронки до сих пор не пригодна для обитания.

Каким будет будущее городов, покажет время. Есть версия, что города – это наши далёкие предки, через пару миллионов лет города на далёкой земле станут такими же, как мы. В пользу этой гипотезы могу привести множество общих черт (трёхступенчатая аура, каменный скелет, электрические сети). Осталось найти в космосе планету, от которой наш народ начал свой многовековой путь по космосу: на ней должны были остаться истлевшие скелеты городов – наших предков.

...к слову об анатомии городов, могу сказать, что на телах городов я наблюдал множество мелких созданий непонятного происхождения: они не являются частью города, но живут в нём. Возможно, я наблюдал каких-то мелких паразитов, из тех, что кормятся на телах крупных животных ороговевшими кусочками их шкуры. На более поздних стадиях развития (четырёхмерные города) паразитов уже не наблюдается.

Анатомия городов отличается разнообразием...

2013 г.

Междениночные отношения

Раз-два-три-четыре дерева у дороги.

Раз-две-три башни электропередач.

Бегу.

Здесь они меня не видят.

Мне так кажется.

Хотя быть не может, чтобы они меня не видели. Они всё видят, от них чёрта с два спрячешьсяя.

Тёмные тени проносятся высоко над землёй, заслоняют луну. Плохое я выбрал время бежать, ой, плохое, самое полнолунное, самую силу. Да я и не выбирал, само так получилось, какая сволочь только донесла, что я собираюсь рассказать людям всё...

Всё...

Да, какая... Артур, не иначе, больше некому. Да мне уже всё равно, Артур, не Артур, я не про Артура думаю, а как мне отсюда выбраться...

Как мне до них добраться...

До людей.

Вот уж, казалось бы, каких-то несколько километров до города живых, и чёрта с два я по этим километрам пробе- русь. Нет, конечно, бежать не сейчас надо было, и не так. Выйти в город живых якобы на охоту, прихлопнуть своего напарника, и к людям бежать.

И рассказать им всё...

Всё...

А надо рассказать. Всё, как есть. Что это правда. Что правда? Да всё правда. Все легенды, мифы, страшные сказки, рассказанные ночью, предания и ужастики, ставшие мировыми бестселлерами. Какой-нибудь прочитает в метро в час пик, закроет, скажет: так не бывает.

А вот бывает.

Чёрные тени ускользают. Убрались, суки... опрометью бегу через поле до ближайшего лесочка, скорей, скорей... сейчас бы самому расправить крылья и полететь, да чёрта с два, так они меня в два счёта заметят...

Падает с неба чёрная тень.

Ч-чёр-ррт...

Забиваюсь в темноту леса, растворяюсь в ночи.

Перевожу дух.

Главное, до людей добраться. До города живых. Пройти через кордоны, наши и не наши, добраться до главного, кто у них там главный, не знаю, никогда людьми не интересовался. Рассказать всё, всё. Как живём. Как не живём. Что по ночам, когда мы лежим в гробах, нас можно взять голыми руками. Что никакая святая вода против нас не поможет, и про чеснок тоже полная ерунда, а вот серебряные пули – это да. Да. И ещё... вы бы, люди добрые, вокруг города своего зерно рассыпали, да побольше, или камушки какие... вот это точно нашего брата остановит.

Пробираюсь через лес. Надо спешить, надо успеть до рассвета, с первыми лучами солнца обращусь в прах, если не спрячусь.

Подношу к губам фляжку, глотаю раз, другой. Кровавые капли падают на камзол.

Кажется, это мой последний глоток. Там, близ города живых, фляжку придётся бросить. Не пить же на глазах у людей человеческую кровь.

Бегу по темноте. Скользят чёрные тени. Весь город мёртвых с ног на уши встал, как же, как же, предатель среди нас.

Какая сволочь донесла...

Артур, не иначе.

Лесок обрывается. До города далеко, а над пустошью мечутся чёрные тени.

Удивляюсь сам себе, как дошёл до такого. Скажи мне кто месяц назад, что побегу в город живых, и буду дневать без гроба, я бы такому рассмеялся в лицо. Надо мной и так подтрунивали, триста лет, ни разу вне гроба не дневал, домоседы наш...

Луна кутается в тучу, мир рушится в темноту.

Бегу через пустошь.

Шум крыльев.

Наскоро шепчу отворотное заклятие, не знаю, поможет, нет...

Припоминаю, с чего всё началось.

С парня. Ну да, с парня. Нет, романтичнее было бы конеч-

но, если бы встретил в городе живых прекрасную девушку, влюбился без памяти, и, несмотря на удушающий голод...

Только романтичнее не получилось. Парень. Он выходил из какого-то бара, изрядно навеселе, я ещё поморщился, не выношу, когда в крови какая-нибудь дрянь, хотя алкоголь, это ещё полбеды, порой там такая дрянь бывает, что мама не горюй...

Я бросил его на землю...

– Ты ч-чë, а?

Мне казалось, я ослышался. Не поверил себе, быть не может, чтобы эта тварь говорила. Говорила, как мы...

– Я т-те ч-чë сдела-та-а-а? Ты ч-чë, а?

Никакой ошибки быть не могло.

– З-за Л-ленку, ч-что ль? Да-а-а-о-о-онн-на сам-м-ма... шал-л-ава...

Луна вываливается из туч. Некстати. Падаю в траву, кувырком качусь за какую-то полуразрушенную хрень.

Парень. Ну да, парень. Его звали Сергей. Он подарил мне азбуку. Впрочем, по азбуке я ничего не понял, Сергей учил меня так, на пальцах.

– Ну?

Вспоминаю, как Сергей смотрит на меня. Строго, как учитель в школе.

– Чу-ден... Днепр... при... ти-хой... пагоде...

– Читай, что написано!

Не понимаю. Вчитываюсь...

– Чу-ден...

– Да нет, дальше.

– Не понимаю.

– При тихой по-го-де, при чём тут пагода, а? Где ж ты пагоды на берегу Днепра видел?

Снова прячется луна. Уже совсем собираюсь бежать, через поле, когда вижу рассыпанные на земле ржавые гвозди. Вот чёрт, догадался кто-то... да может, и никто не догадался, просыпал кто-то...

Считаю в спешке, раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь...

Бли-и-ин...

...сто тридцать – сто тридцать один, сто тридцать два...

Бегу через пустошь. Луна, с-сука, вылезает из туч, таращится белым глазом...

Взмывают чёрные тени.

Артур. Ну да, Артур. Это он пил кровь Сергея. Там, за гаражами. Когда я увидел их, Сергей уже был мёртвый. Я бросился к Артуру.

– Ты чё, а?

Артур понял по-своему, протянул мне обмякшее тело.

– Держи... только маленько, мне самому жрать охота...

– Да нет... ты не понял, он...

Мечутся чёрные тени, пикируют на меня. вытряхиваю из мешочка на груди серебряную ложку, как она жжёт пальцы, блин, только бы не выронить...

Поднимаю над головой.

Ага, струхнули...

Боль прожигает до самого сердца, падаю в траву...

Артур...

И остальные.

Я не ожидал от них такого. Я рассказал им всё, всё, показывал книги, показывал какие-то схемы, как люди делают самолёты и корабли. Даже показал старенький планшетник, подарок Сергея.

Я ждал чего угодно. Что мне не поверят. Что поверят, и чуть не сойдут с ума от страшного откровения. Что...

Но не этого.

Меня слушали. Пожимали плечами. Да, бывает. Да, всё может быть. Да, может, и разумные... мало ли...

И выходили ночью в город живых.

Как всегда.

Бегу через поле. Ложка обжигает руку, чёрт, уронил, чёрт, не найти, чёрт... неважно. До города недалеко.

Всё им расскажу. Всё. Что нечего нас бояться. Серебряные пули. Гвозди, рассыпанные вокруг города. А если ничего не поможет, так добро пожаловать людям среди бела дня в город мёртвых, заколачивать осиновые колья в гробы, днём-то мы беспомощные...

Мечутся чёрные тени.

Ищут предателя.

Да... предателя...

Мысленно пытаюсь оправдаться... а что тут оправдывать-ся, сами хороши... сколько можно... веками... вот так... людей...

Падает на меня чёрная тень.

Бью – что есть силы, кулаком, в переносицу.

Бегу в темноту ночи.

Даже не вижу, кто это был. Вроде бы Артур...

Что-то заставляет остановиться. Ну как что-то, вот они, рассыпаны по асфальту бумажные палочки, набитые табаком. Что-то люди делают с этими палочками, не знаю...

Раз-два-три-четыре-пять...

...сорок восемь, сорок девять.

Бегу по темноте города. Раз-два-три-четыре мусорных ящика во дворе, раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь машин на стоянке, раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь-девять-десять перекладин в ограде.

Рассказать им всё.

Всё.

Положить конец бесконечной войне.

И мне неважно, кто я буду после этого.

Раз-два... десять ступенек на крыльце. Раз-два-три-четыре охранника у входа.

– Я должен видеть главного.

– Он занят.

Смотрю им в глаза.

– Я должен видеть главного.

Остолбенели. Надолго ли, не знаю. Поднимаюсь по лестницам, считаю ступеньки, перила, столы и стулья в зале заседаний, министров... засиделись люди...

Главный человек смотрит на меня оторопело. Недоуменно.

– Я к вам...

Главный кивает, закатывает рукав...

– Кровь-то у меня не больно хороша... третий день непонятно чем питаюсь, запарились с бюджетом этим... и не спал чёрт знает сколько...

– Да нет... я... не за этим...

В окно пробивается первый луч солнца. Сердце как будто пронзают иглой, падаю под трибуну...

– Так вы говорите... серебряные пули?

– Не только пули... что угодно... серебряная ложка тоже сойдёт...

Мне всё ещё трудно говорить. Трудно соображать. Вот что значит солнце. По молодости перед парнями выхвалялся, что выходил на открытое солнце. Знал бы я тогда, что это такое...

– Очень любопытно... ну что же... большое вам спасибо за информацию... отдохайте... вы измучены...

Главный человек с интересом смотрит на меня.

– Вы... мне не верите? – спрашиваю.

– Нет, отчего же... мы вам верим...

Чёрта с два ты мне веришь, думаю про себя. Чёрта с два. Люди в такие вещи не верят. Люди не знают, что это правда. На Хэллоуин цепляют себе чёрные плащи и клыки. Идут на премьеру Сумерки-Сага-Новолуние-Три-Дэ...

Но он же видел меня, чёрт возьми. Крылья. Клыки. Я летал. Я показал ему, как светятся мои глаза...

Главный человек останавливается на пороге.

– Дать вам... м-м-м... ужин?

Хочу вежливо отказаться, тут же спохватываюсь, что не ел больше суток.

– Да... если вас не... затруднит...

Главный исчезает. Через пару минут появляется здоровенный охранник, откуда только такого выискали. Раз-два-три-четыре-пять пуговиц на рубашке.

Здрассте, – кивает он. Закатывает рукав.

Ужинаю. Думаю, что будет дальше. Война. Настоящая война между нашими и ненашими. Что самое страшное, я уже сам не знаю, где наши, где ненаши.

Война...

А может, и не будет никакой войны.

Кто-то должен был сделать это. Остановить то, что творилось веками. Интересно, что со мной сделают люди. Убьют, как врага. Или отблагодарят. За всё. Не знаю...

Главный человек подходит к телефону. Набирает номер,

не записанный в телефонной книге.

– Ночь добрая, будьте добры, соедините меня с ним...

Пауза.

– Ночь добрая. Да, у нас ваш перебежчик. Да, много наболтал. Слишком много. Нет, вроде бы больше никому. Только мне. Да, у нас, здесь. Да, можете забрать. Что вы, не стоит. Весьма польщён. Международные отношения для меня всегда...

2013 г.

Завелись

– Как-кое домой? Сандень сегодня.

– Мыться будем?

(смех)

– Я вам помоюсь... мыться дома будете, а счас быстро ай-да ящики перемывать... блин, на складе, как на том свете пылюхи-то... скоро уже заведутся какие-нибудь...

– Кто?

– Не знаю, кто... но заведутся...

Первая тварь выползает на сушу. Пугливо оглядывается, выбирается из пересыхающего озера, неуклюже ковыляет к морю.

– Чего встал, тряпку в зубы, и пошёл.

– Прямо в зубы?

– Слышь, не умничай, умничать дома будешь... умники хреновы... умник бы был, тут бы ящики не таскал...

Зверь выходит из леса, осторожно идёт по лугу. В густой траве ничего не видно, зверь неуклюже поднимается на задние лапы, оглядывается...

– А у меня у тёщи сегодня юбилей, можно домой?

– С какой хрени ты это тещеньку-то так возлюбил?

– Да не возлюбил, она же меня с потрохами сожрёт и добавки попросит!

– Не сожрёт, подавится... и потравится. Ладно, иди уже...

Молодой парень показывает соплеменникам круглые бруски. Вот ежели такие бруски под волокушу подложить да катить, так и мясо таскать легче будет... их бы ещё к волокуше приладить...

– Ящики все перетирать?

– И перетирать и перекладывать... Шоб всё чисто было, сам проверю.

– Как проверите? В ящики залезете? В товар?

– Слышь, не умничай, умничать у тещи своей будешь!

Взмокшие люди несут паланкин фараона, поют хвалы своему царю, о, как счастливы они видеть эти носилки полными, нежели пустыми... Толпы людей волокут тяжеленные блоки на стену гробницы...

– Эт-то что? Ты мне ещё товар кокни, я тебе потом бошку кокну! Тихохонько вы с ним, тут товара на миллионы, блин!

– А я дохлую крысу нашла!

– Её никто не терял.

Жрец приближается к Александру, шепчет: ты победишь.
Сковано льдом Чудское озеро...

– Живо-живо-живо, чтоб до утра всё расставлено было...
чего сим-то, спать дома будем!

– А выйти можно?

– Не положено!

– Ага, тогда судно принесите!

– Ну тебя совсем... иди уже...

Люди поднимаются на борт корабля, навсегда прощаются с родной Испанией. Что-то ждёт их на незнакомом материке...

– Блин, как их наверх-то поднимать, кувшины эти?

– Молча, как... руками. Двумя.

– Хоть бы подъёмник какой дали...

– Ещё тебе чего? виллу на Багамах?

– Эт можно...

Братья Райт поднимаются в небо на неуклюжей колыхающей...

– Тряпок, блин, на пылюху эту не напасёшься...

– А ты как хотел...

– Главное, все сорят, наша смена убирать должна...

– А ты как хотел, мы вообще у шефа в любимчиках ходим... Распределение обязанностей, блин, одни сорят, другие убирают...

Гагарин говорит – поехали.

На Земле готовят два сообщения, на случай удачного и на случай неудачного полёта...

– Всё, что ли?

– Какое всё, вон, коробок до фига, их ещё разобрать надо...

Вашингтон требует выдачи Сноудена, Москва отвечает категорическим отказом. Мир на грани войны...

– Тащи, давай, ящики... эт-то чего там?

– Хрень какая-то разбежалась...

– Говорил шеф, хрень заведётся...

Немногие уцелевшие люди разбегаются с погубленной Земли. Бегут по складу к незнакомым планетам, к чужим мирам.

Прячутся.

Переводят дух.

Думают, как им жить дальше.

2013 г.

Сознание

...ну и, наконец, рассмотрим последний вопрос: обладают ли животные сознанием или хотя бы зачатками сознания? На это вопрос разные учёные отвечают по-разному:

А: животное не может обладать сознанием, просто потому, что это животное.

Б: животное обладает самыми зачатками сознания. Например, оно может осознать, что оно существует. Но не более того.

В: в очень редкие мгновения у животного появляются проблески сознания. Например, в экстремальных ситуациях.

Г: животное обладает сознанием, но, конечно, не в той мере, как мы.

Д: сознанием обладают только высшие животные.

Е: сознанием обладают не все высшие животные, а только отдельные высокоразвитые особи.

Ё: не понял вопроса.

Пришла пора, наконец, разобраться с проблемой сознания животных. До нас с этой проблемой пытались разобраться самыми разными методами:

А: вскрытие трупов. Вскрытие не даёт никакой информации, строение тела высших до сих пор остаётся загадкой

Б: энцефалограмма. Показывает наличие каких-то процессов в механизме животного, но определить по этим процессам мыслительную деятельность невозможно.

В: тесты, направленные на определение у животного сознания. Широко известен тест Ай-Пи: с его помощью можно узнать, кем является неизвестный собеседник: животным или человеком.

Мы ни в коей мере не пытались поставить точку в вопросе о сознании животного. Мы просто продолжали исследования наших предшественников. Точка поставилась сама собой. Здесь мы приводим небольшой отрывок из наших работ, призванных определить у животного наличие сознания.

Добрый день.

З-здрассте. (Здравствуйте – искажённое)

Садитесь.

С-спасибо.

Разрешите задать вам несколько вопросов.

Ага... п-пожалуйста. А можно я потом мужу позвоню, а

то волнуется...

РАСШИФРОВЫВАЕТСЯ, ПОДОЖДИТЕ

(расшифр – согласие)

Чему равен квадрат гипотенузы?

Ой, ну что вы так, сразу...

(нет ответа)

Отвечайте: чему равен квадрат гипотенузы?

А можно я мужу позвоню?

(нет ответа)

Отвечайте.

Ой, ну или хоть в книжке в какой...

(нет ответа)

Отвечайте.

Не знаю.

Какой период полураспада имеет плутоний?

Слушайте, никогда не думала...

(нет ответа)

Какой период полураспада имеет плутоний?

Не знаю.

Чем вы занимаетесь?

Да ничем...

(заведомо ложная информация)

...я это... в универ пойти хотела...

(универ искаж – университет)

...а тут вся эта заварушка началась...

Что началось?

Ну... это... самое...

(нет информации)

А Колька сказал, пошли в сопротивление...

(Колька искаж – Николай)

...меня отпускать не хотели, мама даже в доме запирала...

я сбежала к Кольке... мы там вообще по каким-то канализациям жили... эти все, кто в городе остался, в рабство пошли, дебилы...

(неизвестное слово)

...попёрлись на сытую жизнь... чтобы в компах разъёмы втыкать...

(комп искаж – человек)

А потом компы сами наловчились разъёмы втыкать...

Поясните фразу.

Ага... научились... и всё... и всех под корень...

Поясните фразу.

Да что тут пояснять, самих бы вас так всех...

(неизвестные слова).

Решите задачу. Из пункта А вылетает воздушный шар, летит со скоростью пять километров в час на север три часа, потом летит на восток со скоростью десять километров в час полчаса. На каком расстоянии от пункта А находится шар?

А... а можно ещё раз?

(нет ответа)

Отвечайте.

Не знаю. А вы меня отпустите?

Не располагаем информацией.

А то у меня ребёнок один, понимаете, меня ваши эти схватили...

(ничего не значащая информация)

Вам предлагается шахматная партия.

Ой, я последний раз в шахматы...

Ваш ход.

Да я в этих шахматах как свинья в апельсинах...

(абсурдная информация)

Ваш ход.

Слушайте, а как конь ходит?

(запись шахматной партии)

Вы проиграли.

Ну... я говорила, я в шахматах этих... а можно я мужу позвоню, он волнуется...

Путём простейшего теста было установлено отсутствие у высших животных даже проблесков сознания. Таким образом, истребление животных является экономически оправданным, поскольку ценности для цивилизации они не представляют.

2013 г.

Древняя жуть

Да, господин следователь.

Нет, господин следователь.

Не знаю, господин следователь...

Да что я вообще про неё знаю... ничего не знаю. Люся её звали. Ну да, Люся. Кого её? Не знаю.

Что? Андрея знаю. Хорошо знаю. И Таньку знал. они у нас в инкубаторе работали оба. Что? Да нет, странностей никаких за ними не было. Люди как люди. Работают. Андрей ещё машинами увлекался, у него два флаера были, и челнок космический. Он его по дешёвке... А? Всё, молчу, молчу...

Да ничего за ними такого не наблюдалось. Это потом уже... когда потом... ну да, лет шестьдесят назад. Как сейчас помню. Да такое разве забудешь? Захожу в лабораторию, они рядом стоят, Андрей с Танькой... и друг друга кусают.

Как кусают... вот так, зубами. Вцепились друг другу в зубы и стоят. Я им говорю, вы чего, вообще уже ку-ку? Они смутились, за работу взялись как ни в чём не бывало... Потом я за ними частенько наблюдал, как кусают друг друга.

А? зачем доносить, куда доносить... мало ли кто кого кусает, мало ли какие чудачества... если так рассуждать, это нас всех в дурку надо. Вон, Илья из восьмого отдела у себя в кабинете канареек развёл не меряно... и ладно бы дома, а то на работе. И что его теперь, в дурдом сдавать? Или вот, Эль-

за, есть у нас такая, так она какую-то программу выискала, там на экране реальность нарисованная, колдуны, драконы, замки, и драконов убивать надо. Тоже ведь мозги набекрень иметь надо, чтобы вот так над колдунами-драконами сидеть. А тут... мало ли...

А? Да, вместе они жили. То есть, сначала отдельно, а потом Танька к Андрею переехала. Как их ни увижу, они всё рядышком держатся. Ну, это тоже дело нормальное. Вон у нас Виктор с Олегом не разлей вода, то на Красное море, то на Чёрное, то с аквалангом ныряют, то на Эверест... не-ет, на Эверест без акваланга. Не знаю. Или вон, Жанна с Ирккой тоже всё парочкой держатся, я их даже путаю...

Так что это нормальное дело, когда вместе... зря вы так. А? Да откуда же я знаю, что они в доме делали, я за ними наблюдал разве...

Что дальше было... да много что было, всего не упомянешь... Вы извините, я две тысячи лет на свете живу, может, уже где что забывать начал. Да нет, память у меня хорошая. Просто столько уже всего случилось за эти две тыщи лет, уже я сегодняшний не помню, какой был раньше. У вас тоже такое? У всех? Ну вот видите...

Потом Танька редко появляться стала. Ну это тоже бывает, нет такого закона, сколько и когда надо на люди выходить. Я одного знаю, он триста лет на улице не был, он виртуальные реальности для дальних перелётов разрабатывает, некогда, говорит, по улицам шариться...

Потом Танька заболела. Да, вы не ослышались, заболела. Нет, не ногу сломала. Тут другое. Как-то прихожу к ним, она над раковиной стоит, её выворачивает наизнанку. Я испугался, что случилось, я же всё-таки врач... она отпирается, отнекивается, да ничего, ну съела не то что-то, бывает... Только я не знаю, как у нас можно что-то не то съесть, разве что специально отравы какой выпить... и лицо у неё было... ну как сказать... я такие отёки только на картинках в учебниках видел, где про болезни всякие написано...

А потом я такое заметил...

Ну там-то я спохватился, что дело нечисто, только уже поздно было. Бывает же, когда у тебя под носом творятся всякие страсти, а когда спохватишься, самое страшное уже случилось. Вот у нас в квартале два генетика, Максим с этим китайцем, как его... ладно, молчу. Не о том речь.

Так что бывает, у тебя под носом какая-то жуть творится, а ты и не видишь. И ладно бы где, а то в нашем городке, вот где, казалось бы, ничего случиться не может. Это на работе у нас бывает: с маленькими детьми поболтаешь... ну не с такими, которые только что вывелись, а постарше... они и ноют, а почему в книжках-киношках чудеса всякие, а у нас ничего не происходит. Я им и говорю, и бога молитесь, что ничего не происходит, если тут ещё что произойдёт, я не выдержу. Как в тот раз, когда в инкубаторе давление... а, всё, не о том речь...

Так вот... как-то через полгода зашёл к Андрею с Тань-

кой, уже не помню, что мне надо было... Андрей встречает, здорово, Митюш, всё при всём, Танька встречает, привет и ты, коли не шутишь...

Тут я и заметил...

Танька... Она же красавица всегда была, стройная, как тростиночка, её вывели в годы, когда мода на тощих была. А теперь Танька...

Да нет, ничего такого не было. Сверхъестественного. Чтобы как в романах ужасов, человек долгое время из дома не выходит, потом к нему приходят, а он плесенью покрылся, или весь чёрный стал, или в таракана какого превратился. Нет, ничего такого. Только Танька... как бы это сказать...

Я с ней тогда заговорил осторожно, что есть же какие-то средства... фитнес, диета... всякие сжигатели жира и всё такое... Я понимаю, такие вещи осторожно надо говорить, чтобы человека не обидеть. А то бывает, кто-нибудь вот так в депрессию завалится, из дома не выходит, целыми днями перед экраном сидит, торты жрёт, а потом результат, что на него ни одни штаны не налезают... Вот тут надо человека к жизни возвращать. Только осторожно, чтобы не обидеть.

Я думал, Танька на меня рассердится, с лестницы спустит, заорёт, думаешь, если ты скелетина, все такие должны быть. А она... только смеялась. Вот так. Я ей про фитнес, про коктейли жиросжигающие... а она смеётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.